

Митрополит Сурожский Антоний (Блум): Слово на литургии в праздник Успения Божией Матери

Проповедь

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы празднуем день Успения, упокоения Пресвятой Девы Богородицы. Это наш престольный праздник, но это и престольный праздник всей Русской Церкви издревле. Как можно праздновать день Успения, день смерти? Только если мы помним две вещи. Во-первых, то, что хотя для нас, остающихся на земле, смерть является горькой, болезненной разлукой с любимыми, но для умирающего смерть, успение, является торжественной, величественной встречей живой души с Живым Богом.

В течение всей жизни нашей мы рвемся к той полноте жизни, которую обещал нам Господь; знаем мы это или нет, но эту полноту мы можем найти только в Боге. И вот, и знавшие это, святые и верующие поистине, и колеблющиеся, и не знавшие этого, и даже всю жизнь отрицавшие это, в день, когда их душа разлучится с телом, окажутся перед Живым Богом, Который есть Жизнь, Который есть радость, красота и, как об этом писал о. Александр Ельчанинов, нет такой души, которая, узрев божественную красоту, объята божественной любовью, светом вечной жизни, не преклонится к Его ногам и не скажет: «Господи! Тебя единого искал я в течение всей моей жизни...»

На всех путях и правды, и неправды человек ищет этой полноты, этой неизреченной красоты, этого смысла и этой все побеждающей, все очищающей, все преображающей любви. Поэтому, когда мы находимся перед лицом смерти близкого человека, как бы ни было глубоко наше горе, как бы ни рвалась наша душа, мы должны суметь перекреститься, поставить себя под и перед крестом Господним и сказать: «Да, Господи! Меня постигло самое, может быть, великое горе, которое могло постичь меня, но я радуюсь, что живая душа любимого мною человека удостоилась сегодня встать перед славой Твоей, и приобщиться полноте жизни и этой преображающей славе».

Но мы не напрасно говорим также и о том, что успение, как столько раз напоминает нам апостол Павел, есть временный сон нашей плоти до дня воскресения. И вот, празднуя Успение Божией Матери, мы не только верим, что Она воскреснет в последний день, как мы все, но мы знаем достоверно, из апостольского предания, из опыта Церкви — не только святых, но и грешных, которых взыскала Своей любовью, милостью и состраданием Матерь Божия, мы знаем, что Она уже и плотью воскресла и вошла в ту жизнь, которая нам откроется в конце времен.*

Поэтому и мы можем праздновать сегодня с полной радостью день Успения Божией Матери, когда с Нее упали узы тела, когда Она освободилась от границ тварного бытия, когда Она вышла из узких граней падшего мира и во всей славе, во всей неизреченной Своей красоте, в Своей чистоте встала перед лицом Сына Своего и Бога, перед лицом Бога и Отца. Радость наша может быть совершенна, без слез, без горя. Это торжество жизни, но это для нас и свидетельство о том, что воскресение — не пустое слово, воскресение — не иносказание, но что все мы, по слову Божию, воскреснем и войдем в полноту нашего человечества — и душой, и духом, и плотью — в вечность, в радость вечную Господа нашего.

Поэтому возрадуемся и возвеселимся в этот день! И как дивно, что Русская Церковь, еще в

одиннадцатом веке, прозрела эту тайну, так восприняла тайну Божией Матери, тайну жизни и смерти и воскресения и последнего торжества, что сделала этот праздник Праздником Церкви Русской!

Аминь.

[1] Произнесено в лондонском Успенском соборе 28 августа 1983 г.

Священник Георгий Кочетков: Из проповедей во Владимирском соборе (октябрь 1991 года)

Проповедь

6 октября. Слово на литургии после Евангелия (Лк 5: 1-11)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Господь учил людей, но учил на некотором расстоянии от них. Это иерархическое Его положение, Его неравное по отношению к народу духовное состояние символически как бы присутствует в образе лова рыбы Господом. Мы слышали, что Господь учил людей из лодки с воды, а когда перестал учить их, то захотел глубины, большей глубины, и отплыл от народа на такую глубину. И начался новый лов, который уже совсем не соответствовал человеческим представлениям об улове.

Симон Петр, как всегда, начал было возражать, исходя из своего иудейского опыта. «Мы трудились, — сказал он, — всю ночь и ничего не поймали; но по слову Твоему закину сеть». И сделали так, как Господь сказал, превзойдя весь свой житейский опыт, многолетний опыт рыболовов, ловивших, пытавшихся ловить рыбу и на глубине. Господь, конечно же, не случайно сказал это слово. «Сделавши это, они поймали великое множество рыбы, и даже сеть у них прорывалась», — говорится в Евангелии. Даже возникла потребность в помощи товарищей, находившихся в другой лодке.

Когда увидел такой чудесный улов Петр, эта Скала, этот Камень, на котором зиждется Церковь Христова, то он снова вдруг сделал нечто невыход. Он снова стал как бы перечить Господу. Постоянно думая о Нем, постоянно желая быть с Ним, Петр припал к коленям Иисуса и сказал: «Выйди от меня, Господи, потому что я человек грешный». Выйди, уйди, неизвестно куда, неизвестно зачем, ибо я не могу быть рядом с Тобю. И этим все сказано: кто я, чтобы быть причастником Того, Кто может все? Выйди от меня, я человек недостойный.

Не так ли и мы с вами, братья и сестры, часто говорим Богу: «Уйди от меня, отойди, я не могу быть в таком жаре, я не могу быть там, где разрушаются мои привычные представления о жизни, о мире, о том, что должно и что не должно».

Ужас объял Петра и его товарищей, сынов Зеведеевых, Иакова и Иоанна. А они, все трое, почитались позже столпами Церкви (вспомним апостола Павла). Но поэтому все они считали, что можно расстаться с Господом, ибо они люди грешные, недостойные. И тогда Иисус сказал им: «Не бойтесь». Если прежде веками люди трепетали, впадая в ужас от всего, что совершал и говорил Бог, то теперь Петр и все, бывшие с ним, услышали нечто совершенно новое: не нужен

этот ужас, время страха прошло, не бойтесь.

Если остаться в рамках старого опыта Богопознания, то действительно, кто на земле достоин того богообщения, которое открывается нам во Христе? Наверное, никто и никогда. Но мы входим в Новый Завет с Богом, мы надеемся, что Господь, сказавший Симону: «Не бойся; отныне будешь ловить человеков», то же самое говорит и нам. И мы должны освободиться от всякого страха, от всякого ужаса, даже священного. Это нужно для того, чтобы ловить с Богом, совершать с Ним ловлю человеков, душ человеческих. И нельзя, братья и сестры, это делать по человеческим меркам, как, к сожалению, часто поступали люди, свидетельствуя, проповедуя, миссионерствуя от имени Христа. Они делали это слишком по-человечески, не желая постичь глубины Христовой, не желая знать этого Христова улова.

Многие из нас тоже хотели бы ловить человеков, многие хотели бы, чтобы сила Божия совершилась в нашей немощи. Но тогда будем, братья и сестры, подобны апостолам, услышавшим на глубине голос Христа, которые оставили все и без страха последовали за Ним!

Аминь.

Слово после литургии

Дорогие братья и сестры! Было бы очень хорошо, если бы мы могли сказать, что причастие для нас с вами — это состояние духа, которое признано нами нормальным, что это норма жизни каждого из нас, поэтому особого поздравления с причастием теперь нам не требуется, конечно, кроме тех, кто причащается в первый раз или после перерыва, или после отлучения. Нам с вами, братья и сестры, действительно надо осознать, что причастие есть норма, и отклонение от нее — вещь ненормальная. Мы с вами представляем Тело Христово и являемся пусть малыми, незначительными, немощными членами, но все-таки членами этого Тела. Мы живем этим приобщением ко Христу, к Его ломимому и прославленному Телу, к Его пролитой на Кресте и принятой Богом Крови. Вот в этом приобщении мы живем здесь, на земле.

Братья и сестры! Как бы хотелось, чтобы Тело Христово, будучи живым, всегда росло, росло в Духе и Истине, росло численно, чтобы в этом Божьем Телу становилось больше членов. И как бывает жаль, когда кто-то из наших братьев или сестер остается без причастия по объективным ли, субъективным ли причинам, но по причинам мира сего. Это действительно очень и очень печально.

Я уже неоднократно предупреждал вас, что перед чашей исповедовать больше не буду, за исключением чрезвычайных случаев, и уж если человек пришел после Херувимской, то пусть он не подходит. Вот и сегодня, к сожалению, пришлось некоторым отказать в причастии, потому что они пришли вообще после канона. И конечно, мы все знаем, что в таком случае, когда пропущено само священнослужение, полной причастности быть не может, и потому причащать в таких случаях я никого не смогу. Помните об этом, братья и сестры.

Кроме исповеди накануне, я буду давать разрешительную молитву на следующий день утром, до службы. Если служба в 9 часов, то разрешительную молитву я буду давать в половине девятого. Вчера я об этом тоже говорил, однако в половине девятого был еще совершенно пустой храм, пришли всего два человека, а потом — очередь почти до 10 часов. Вряд ли это та норма, которой нам стоит держаться.

Дорогие братья и сестры, не такие уж у нас чрезвычайные обстоятельства в жизни. Мы не хотим быть сильными силами мира сего. В нашей немощи и в этом соборе, конечно, совершается сила Божия, иначе невозможно было бы нашей маленькой группке, нашей

маленькой общине что-то здесь сделать. Давным-давно тут осталось бы лишь несколько человек, если бы Господь не хранил Свой дом. Так будем же и мы ревностны к этому дому!

Храни вас всех Господь!

9 октября. Преставление св. апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Слово перед утреней

Братья и сестры, христиане! Нам с вами важна проповедь Любви. Более всего — проповедь Любви. И должны быть всегда в Церкви люди, и я знал таких людей, старцев, которые возвещают в первую очередь именно о Любви Божией, и этой силой Божией Любви покоряют сердца людей. И увы, конечно, не так много находится людей, которые на это откликаются. Ведь люди с удовольствием принимают другую проповедь о любви, о любви сентиментальной, о любви бессильной, о любви не духовной, а душевной или телесной. Это люди понимают и принимают с удовольствием, а вот христианскую проповедь о Любви люди не вмещают и не понимают.

Но нам с вами нужно думать о той традиции Богопознания, которую открывает Господь через апостола Иоанна. У нас есть явный недостаток этого духа открытости к Богу. Наша цель — и познавать Бога, и слышать, когда Бог нам что-то говорит, открывает. В нашей жизни явный недостаток как пророческой традиции, так и традиции гностической, традиции познания Божиих тайн. Вот это самое важное и, может быть, сейчас самое трудное в христианской жизни.

Традиция апостола Иоанна, традиция познающей Любви, действительно, самая трудная для исполнения. Легче традиция апостола Иакова, иудеохристианская традиция, которая проповедует закон Свободы. Также легче исполнить традицию апостола Петра, который проповедует Христа во всех обстоятельствах, включающую и утверждение Церкви как скалы, как камня, о который могут расшибиться современные люди. Легче даже проповедовать очень сложную, очень глубокую традицию апостола Павла, и мы видим, как это делают некоторые западные братья. Но как бывает легко при этом противопоставить веру и дела, важные в нашей христианской жизни, и тогда спасение верой оказывается уже не вмещающим полноты этой жизни.

Давайте об этом думать, давайте это воспримем и умом, и сердцем, несмотря на то, что наша христианская жизнь только расцветает, и нам в Церкви нужно все, и нет ничего того, что бы в Церкви нам не было нужно. Но расставлять акценты в каждую эпоху Господь предоставляет нам самим, уж как мы это можем сделать и насколько мы сами можем это вместить.

Почитание святого апостола Иоанна в нашей Церкви всегда было очень торжественным и всеобщим, в т. ч. Литургическое почитание. Оно до сих пор сохранилось в нашем Уставе, требующем именно такого его прославления. Но много ли сегодня нас здесь? Много ли в других храмах? Увы, нет, что, конечно, не соответствует ни Уставу церковному, ни духу церковному. И тем не менее это факт, который не видеть мы не можем. Факт важный. Если сейчас спросить кого-либо на улице: «Какой сегодня праздник?», то я уверен, что никто не ответит. А вот, допустим, на Николу спросить: «Какой сегодня праздник?», — ответят, не все, но ответят.

Такие искажения традиций в христианском православном народе должны быть нами замечены, братья и сестры, не для того, чтобы кого-то укорить или обвинить, а для того, чтобы нам самим внутри себя преодолеть эти искажения. Мы должны идти по пути познания духом того апостольского наследия, пророческого и гностического, которое дано нам Господом. Тогда наше прославление апостолов всегда будет действительно достойным.

Аминь.

Слово на утрени после Евангелия (Ин 21: 15-25)

Братья и сестры, христиане! Сейчас снова невольно мы должны как бы продолжить то размышление, то слово, которое сегодня начали, ибо в отрывке из Евангелия, который вы сейчас слышали, тоже сказано о двух традициях, которые как бы противопоставляются друг другу.

Вот традиция образа апостола Петра-Симона, который был горячим приверженцем своего Учителя, одним из ближайших учеников, но который и отрекся от Него трижды. Господь восстанавливает его в апостольском достоинстве, но говорит: «Когда состаришься, то другой препояшет тебя и поведет, куда не хочешь». А апостол Петр подумал, что это общая судьба и, увидев сзади идущего Иоанна, спросил и о нем: «Господи! А что же он?», т. е. какова его судьба, каков его путь? И тогда Иисус произносит вот эти таинственные слова, которые мы много раз с вами слышали и знаем, что они означают. Он говорит о постоянном пребывании этого верного ученика в Церкви, на земле. Но Он не говорит об этом материально, физически, это будто означает, что не умрет Христов ученик Иоанн. По откровению Христову, этот ученик должен пребывать верным на земле до самого конца. Его судьба с начала до конца связана с судьбой Господа, а значит, с Его Церковью, с Его Телом, пока не придет Господь.

Братья и сестры, не случайно эта судьба уготована любимому ученику Христову. Давайте вспомним о последней детали, о которой я сегодня по существу еще не говорил. Апостол Иоанн — один из ближайших и при этом любимый. Мы с вами часто жалуемся на то, что нам не хватает любви, или подменяем, как я сегодня уже говорил, любовь духовную любовью всякого иного рода — сентиментальной, душевной, чувственной и прочей. Так вот, братья и сестры, очень просто обрести любовь. Надо войти в традицию апостола Иоанна. Тогда мы обретем духовную любовь, не слащавую, не сентиментальную, но духовную.

Апостол Иоанн пребывает с нами в Церкви, он действительно учит любви и ревности в этой любви, но ревности не человеческой, а ревности по Богу. Апостол Иоанн как бы идет вслед Иисусу, он никогда не отречется от Христа, и ему не нужно будет слушать никаких слов о том, как любить Господа, как пасти Его агнцев и Его овец, потому что это с ним всегда. Не нужно будет ему слушать и того, что раньше он ходил, куда хотел, а в старости его препояшут и поведут, куда он не хочет. Иоанн навсегда остается любимым и любящим, Иоанн остается жертвенным, Иоанн остается Богословом, остается тем орлом, который знает, что такое небо и что такое гром и молния с небес.

Богословие — дело очень тонкое и очень высокое. Столь высокое, что многие современные люди лишены даже вкуса к богословию, совсем не в состоянии быть какими бы то ни было богословами. Многие даже считают, что все это не нужно, что это одни предания человеческие, что это лишь «предания старцев» и что ими можно поэтому пренебречь: мол имей веру и иди, проповедуй! Но наша Церковь познавала в духе св. апостола Иоанна новую реальность этого мира, познавала и человека устами Божиими. Мы с вами должны быть достойными наследниками этой иоанновской традиции, этого духа, и тогда, несмотря на все наши внешние слабости, мы будем действительно любимыми учениками Христа, подлинными богословами, имеющими и разумеющими свой знак орла.

Аминь.

12 октября. Прп. Кириака. Слово на утрени

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами чтим память святого Кириака, который скончался в 556 г. Его житие — это типичное житие человека, отдавшего всю свою жизнь подвигу — подвигу аскета, подвигу покаяния и молитвы. Это святой, который действительно показал, что такой подвиг не только не претит человеку ни в чем, но, наоборот возвышает его перед Богом, перед теми людьми, для которых Божья воля стоит впереди всякой славы.

Братья и сестры, я хочу выделить из этого жития еще один момент. Святые отшельники, такие как прп. Кириак, не были вдали от церковной жизни. Вы помните, что они участвовали в литургии, причащались, они же боролись и с ересями в Церкви. Очень часто именно монахи и отшельники возглавляли такую борьбу. Они не считали, что это не их дело, что это дела мирские. Они знали, что духовное прозрение и духовная борьба есть их долг, и они к ней причастны, если Господь дает им на это силы.

Вообще же, братья и сестры, в житийных текстах нам всегда интересно отмечать, что жизнь святых, каждый из которых имел особые дарования, удивительно целостная, удивительно нераздробленная. У каждого был свой дар Духа, которым он служил, но эта житийная целостность в них всегда сохранялась. А в наше время, когда все стремятся иметь все, главная потеря это потеря целостности духовной жизни, и внутренней, и внешней. И эта раздробленность нашей жизни, повторяю, парадокс. Именно тогда, когда люди хотели всего, тогда они все и теряли. А когда они не претендовали сразу на все, когда каждый искал свое скромное место в этой жизни, тогда люди обретали эту целостность в любви к Богу и ближнему. За это они и прославляются в Церкви, т. е. и Богом, и людьми.

Аминь.

Слово после крещения детей

Дорогие братья и сестры! Наша жизнь должна быть собранной, нерассеянной, собранной не просто психологически, а собранной духовно, собранной со Христом и во Христе, чтобы ничто от нас не отпадало.

В течение нашей жизни иногда случается, что то одно, то другое как бы не принадлежит Христу. А вот новокрещеным уже надо запомнить, что ничего не должно от Христа уходить, ничто не должно пропадать, оставшись без Бога. Вот поэтому-то и не нужно нам с вами грешить. Надо всегда стараться не грешить, иметь твердое намерение стать святым. Если мы совершили какое-то согрешение, то сразу непременно надо каяться и стараться исправляться. Благодатью Божией покрываются многие согрешения человека. В крещении мы с вами умираем для греха, чтобы жить для Бога, чтобы, как сказал апостол Павел, мы почитали себя мертвыми для греха, живыми для Бога. Не не вообще для Бога, а для Бога во Христе Иисусе, Господе нашем.

Вы все христиане, вы члены единого живого Тела. Сейчас мы принимаем самых невинных, самых маленьких в члены нашей Церкви. И мы должны стараться учиться у них быть в нашей вере как дети, но, с другой стороны, мы должны учить их премудрости жизни в этом мире. Это очень, очень непросто. И сегодня я и все вы радуемся их смерти для греха и жизни для Бога. Мы все обновляем и себя и свое крещение, потому что каждый новый святой действует духом своим на Церковь и на нас.

Смотря на этих детей, которых мы крестили, мы вспоминаем свое крещение и поэтому особо молимся за них, за их родителей, за крестных, за всю Церковь, за всех, принявших такую благодать от Бога.

Аминь.

Слово к восприемникам

Братья и сестры! Действительно, крещение детей в наше время — это подвиг, с которым трудно что-то сравнить. В наше время, когда так трудно воспитывать детей вообще, а духовно особенно, чтобы крестить детей — нужно быть образцовым христианином. Крещение детей будет на пользу всем только в том случае, если они сохранятся в Церкви на всю жизнь. Поэтому перед вами задача необыкновенной сложности — ответственность уже не только за себя, но и за ваших чад.

Вы знаете, что было бы лучше всего крестить детей в церкви тем семьям, которые в общинах наиболее духовно продвинуты, утверждены в вере. И крестные должны быть такими же. Ну коли уж вы крестили своих детей, значит, вы и есть такие «самые-самые». Во всяком случае, если взялись, то теперь уже не отходите от этого и будьте для нас всегда, во всей вашей жизни таким примером.

Многие часто не решают крестить детей потому, что это уж очень ответственно и трудно в наших условиях. Вы решились, и слава Богу. Мы действительно вам очень рады. Но повторяю, вам теперь нужно быть «самыми лучшими» в Церкви. Теперь готовьте ваших детишек к причащению завтра. Но и потом не забывайте, что детское крещение всегда неполное. Если вы хотите, чтобы оно было исполнено, надо их учить и покаянию, и молитве, и основам веры и жизни христианской в целостности и последовательности. Это дело не одного года. Их детская вера должна еще будет стать взрослой — это трудно, но это ваша задача. Вот об этом никогда не забывайте. Если крещение останется неполным, вы будете отвечать за это. Ну а мы, со своей стороны, будем молиться за вас и помогать вам, чем можем.

Храни вас всех Господь!

Слово на вечерне после паримии (Быт 22: 1-18)

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Мы с вами сейчас слышали рассказ, знаменитый рассказ Ветхого Завета о жертвоприношении Авраама. И сколько бы мы ни всматривались и ни вслушивались в слова этой древней мистерии, этого богочеловеческого действия, оно продолжает нас с вами волновать, оно продолжает увлекать нас с вами в глубину познания судеб Божиих в этом мире.

«На горе Иеговы усмотрится» — так вошло в поговорку то, что произошло с Авраамом и его единственным обетованным перед Богом сыном Исааком. «Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой», — так сказал Авраам.

«Бог усмотрит Себе агнца», «на горе Иеговы усмотрится» — вот ключ к пониманию того, что заключено в этой мистерии. «Благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего», — вот окончательные слова Божии, сказанные верному рабу Его Аврааму, отцу всех верных. И здесь нельзя не видеть прообраования.

Сейчас, в этот день, когда мы начали празднование Воскресения Христова, в этот маленький пасхальный день, может быть, нам с вами стоит обратить внимание на те стороны прообраования, которые не всегда улавливаются обыденным сознанием, живущим часто лишь христианско-библейской культурой, а не полнотой христианской жизни. «Благословятся в семени твоём все народы земли за то, что ты послушался гласа Моего». Как не отнести эти слова, сказанные Аврааму, к Богу и к возлюбленному Сыну Божьему Господу нашему Иисусу

Христу, в Котором благословляются все люди земли, ибо Он также послушался гласа Божьего, но только был готов закласть уже не сына Своего, а Самого Себя? «Никто не отнимет жизнь Мою, — сказал Господь, — Я Сам отдаю ее». «Я Сам отдаю Свою жизнь» — и это больше Авраама!

Мы все с вами тоже братья и сестры по вере, ибо Авраам наречен отцом всех верующих на земле. И мы готовимся к тому, чтобы предать всю свою волю, всю свою жизнь в руки Божии, так чтобы Бог мог «усмотреть Себе агнца», чтобы Он господствовал, чтобы Он владел нами, чтобы Он владел нашими сердцами, ибо Богу ничего более не надо. «Чадо, дай Мне сердце твое!» — говорит Господь.

Во Христе исполняются древние прообразования. Во Христе они исполнились, а в Церкви, Теле Христовом, продолжают исполняться. Вот поэтому, братья и сестры, мы сегодня, на этой воскресной вечерне вспоминаем об Аврааме, вспоминаем о его жертве, о его послушании гласу Божьему. Этот рассказ, эта мистерия соединяется в нас с подвигом Христа на Голгофе, и мы прославляем Воскресшего Сына Божьего, в Котором прославляются и все народы земли.

Аминь.

Слово на исповеди после вечерни

Братья и сестры! Перед нами часто встает вопрос о тайне спасения. Мы знаем, что у нас с вами один Спаситель — Господь наш Иисус Христос, Который спасает нас не по заслугам нашим и не по делам нашим, а только по милости Своей, по дару Своему. Мы знаем, что это спасение приходит к нам как бы сразу, хотя полноту даров Божиих и плодов мы усваиваем на протяжении всей жизни, и своей, и исторической. Мы знаем также, что только при соединении силы Божеской, силы Церкви с силой человеческой мы можем найти спасение. В Первом послании апостола Петра есть очень трудные слова: «Если праведник едва спасается, то грешный где явится?» Здесь речь идет о другой стороне спасения, о нас, о том, что мы сами должны «со страхом совершать свое спасение».

Братья и сестры, нам стоит об этом постоянно думать. Мы знаем, что спасение продолжает совершаться в Церкви, что в Церкви Господь нам дает особые дары, чтобы идти по спасительному пути. Но насколько мы с вами ценим эту возможность пребывать в Церкви, быть в ней, жить в ней? Насколько мы с вами ощущаем потребность в постоянном общении друг с другом, в любви друг к другу, в любви ко всем, не только к тем, кто нам нравится чисто субъективно, чисто душевно? Можем ли мы проявить свою любовь ко всем людям, свою общительность с каждым человеком?

«Люби человека и во грехе его», — говорил старец Зосима у Ф.М. Достоевского. Не надо любить его грехи, не надо уравнивать человека, находящегося в грехе, с человеком, который в нем не находится, но любить нужно всякого человека. Проявление этой любви будет различным. В первую очередь мы должны быть открыты к общению, к прощению, к благодарению, к тому, чтобы вся наша жизнь стала таким благодарением, прощением и благословением. Давайте об этом подумаем, братья и сестры, потому что «все мы много согрешаем», это действительно так. И каждый из нас борется с грехами, и это тоже, слава Богу, так. Только борьба наша иногда, к сожалению, ослабевает или носит некий выборочный характер.

Братья и сестры, постараемся отдать всего себя, всю нашу жизнь, все наше сердце Христу, так чтобы мы могли сказать Господу: «Мы, Господи, сделали все, что от нас зависит, мы целиком себя отдали. Если что-то не получилось, то это было сверх наших сил. Не вмени нам

согрешений наших»!

А сейчас будем молиться.

13 октября. Слово на литургии после чтения Апостола (Гал 1: 11-19)

Братья и сестры, христиане! Мы с вами последователи и ученики Господа нашего Иисуса Христа, согласно Благовествованию, которое приняли всем сердцем нашим. И вот сейчас мы слышали, как апостол Павел сказал: «Возвещаю вам, братья, что Евангелие, которое я благовествовал, не есть человеческое, ибо и я принял его и научился не от человека, но чрез откровение Иисуса Христа». Мы тоже относимся к тем, о которых Господь сказал: «Блаженны невидевшие и уверовавшие».

Апостол Павел был одним из первых благовестников. Он же сам принял Евангелие, духовное Благовестие не от людей, а от Самого Господа нашего через откровение. Конечно, иногда случается так, что в наше время люди воспринимают Евангелие через людей, а не через откровение. И это совсем не то же самое, что Евангелие, принятое апостолами, самовидцами Слова. Ведь для них принятие Евангелия было откровением Самого Господа. Господь им открылся как Христос, как Мессия. Господь им открылся во всей благодати и славе Своей, во многих свидетельствах и чудесах. Но если люди принимают Евангелие как человеческое предание, тогда они иногда становятся «неумеренными ревнителями отеческих преданий», такими, каким был апостол Павел до получения откровения, до получения того Евангелия, которое заполнило его сердце раз и навсегда, на всю его жизнь.

Для нас с вами важно подумать, а не являемся ли и мы в той или иной степени «неумеренными ревнителями отеческих преданий». Иногда ведь мы сталкиваемся с этим в нашей церкви, когда человеческие предания, предания старцев люди ставят выше откровения, выше Евангелия, которое не от человеков. И если такая тенденция в Церкви усилится, если она победит, это будет представлять большую опасность, дорогие братья и сестры. Вы помните, чем это могло бы кончиться для апостола Павла: он начал гнать Церковь Божию, за что потом называл себя извергом, выкидышем, который не достоин называться учеником Христовым и уж тем более апостолом. Господь за ревность о Боге открылся апостолу Павлу, открылся и даровал ему вот это не от человеков данное Евангелие, которое он и благовествовал иудеям и эллинам, богатым и нищим, мудрым малоразумным. Дай Бог, чтобы каждый из тех, кто привержен к такому неумеренному ревнованию об отеческих преданиях, получил откровение свыше, чтобы в каждом из них родилось Евангелие не от человеков.

Нам с вами, братья и сестры, ищущим полноты предания божеского и церковного, надо помнить об этой опасности, надо помнить, что опасно стать «неумеренным ревнителем отеческих преданий», забыв или не получив Евангелие не от человеков, не получив откровения Господа Иисуса Христа.

Конечно, есть и другая крайность, когда кто-то уверен, что он получил откровение не от людей, а свыше, и начинает противопоставлять это свое откровение Церкви, свое откровение — откровению, данному и хранимому полнотой католической Церкви. Это тоже может кончиться печально — прелестью. И такая опасность существует в наше время. В некоторых людях живет недоверие к Церкви, и они начинают основываться исключительно на своем внутреннем опыте, доверять только своему сердцу и своему уму и тогда часто впадают в нечто подобное прелести.

Да сохранит нас всех Господь от этих крайностей, братья и сестры, чтобы мы с вами были истинными служителями Евангелия, данного в откровении Церкви Христовой.

Аминь.

Слово на литургии после Евангелия (Лк 6: 31–36)

Братья и сестры, христиане! В этом знаменитом месте из Евангелия так много сказано всего в нескольких строках, всего в нескольких словах, что это может покрыть всю нашу христианскую жизнь. Здесь есть все, что надо знать христианину о Боге во Христе и об отношении к ближнему, о человеке. Мы часто жалуемся, что выполнить сказанное Господом нам не удается, и мы очень остро чувствуем, что на самом деле по Евангелию не живем. Мы живем как угодно — иногда совсем неплохо, иногда много лучше других. Но сказать, что это лучшее приводит нас прямо к Евангелию, ко Христу, что это лучшее соответствует откровению Христову и Его учению, увы, мы почти никогда не можем.

Отчего же так происходит, братья и сестры? Мы стараемся, мы трудимся, мы желаем, мы молимся, мы причащаемся, мы учимся, научаемся и тем не менее не достигаем своей цели. Вот кто хочет достичь ее, пусть услышит нынешнее слово. Итак, во всем, «как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Здесь дана «мера» для каждого человека — посильная и подвижная. Сегодня ты хочешь, чтобы с тобой поступали так-то и так-то, поступай и с другими так же. Но завтра ты увидел, что у тебя ничего не выходит, ты не можешь поступать с другими так, как ты хочешь, чтобы поступали с тобой, и ты начинаешь корректировать свое отношение к себе и другим, ты начинаешь не так строго взыскивать с братьев своих, как бы желая, чтобы с тобой поступали более милосердно, более просто, более по-детски, и тогда сам начинаешь поступать с другими иначе. Хочешь «высшей меры» себе — прежде всего сам покажи пример такого своего отношения к другим. Не можешь — не претендуй, не требуй с ближних того, что сам дать не можешь. А у нас с вами, братья и сестры, часто здесь как раз все иначе. Мы по отношению к другим требуем такого, чего никогда бы не стали требовать от себя, покуда мы в здравом уме и твердой памяти.

И далее, братья и сестры, Господь призывает нас любить врагов наших, благотворить и в тайне давать, не ожидая взамен ничего. Это и есть «высшая мера»!

Вот как хотелось бы, чтобы так поступали с нами, но оказывается, что тогда нужно нам так же поступать с другими. А как мы относимся к врагам нашим? Лицемерен тот, кто считает, что нет у него врагов, — или уж это полный лентяй, ничего не делающий в этой жизни, или это человек неумный до крайностей, который не хочет разбираться в жизни. Иначе не бывает так, чтобы не было врагов, братья и сестры. У Христа было множество врагов, и у всякого христианина множество врагов, если он действительно христианин по меркам Божиим и Церкви. Мы часто боимся даже признаться себе в этом, настолько мы малодушны, а уж тем более не решаемся к врагам отнестись так, как нас учит Господь. Но запомним: не то страшно, что у нас враги есть, а страшно, если мы не по-христиански к ним относимся, братья и сестры. Сейчас в нашем обществе как никогда много провокаций относиться к врагам не по-христиански, и голос Патриарха, призывающего вспомнить евангельскую норму, звучит, увы, еще недостаточно громко...

Мы с вами должны помнить и о благотворении, о том, что мы должны давать взаймы людям, не ожидая от них для себя ничего. В Церкви реально действует глубокий и верный закон жизни: ты что-то дал, — не жди отдачи для себя никогда никакой, если человек и пообещал вернуть тебе все, и даже сторицей, — не жди. Вернет, так вернет, но лучше, если он вернет не тебе, а кому-то еще, будучи воодушевлен твоим добром, твоим благотворением, твоей благодатью. Не самая ли высшая для нас с вами, братья и сестры, награда, если мы видим, как люди, которым мы хоть немного помогли, начали помогать другим прежде, не имея на это никаких сил и возможностей? Посмотрите, ведь как часто человек, приходящий к Богу и в Церковь, бывало

настолько разрушен, почти до основания, почти до предела, что в нем и человека невозможно бывает узнать. И вот постепенно-постепенно Господь созидает Церковь Свою, восстанавливает через нас и в нас духовные, душевные и физические стены нашего Дома.

Бог изначально дает нам столько любви, столько сил, и непосредственно в молитве, и через братьев и сестер. Это становится возможным как великое чудо нашей жизни. Но мы часто привыкаем к этому и уже считаем, что так и должно быть всегда, что Бог нам должен давать, что нам должны давать и все в Церкви, лишь давать, давать, давать! И вдруг видим, что сами-то мы давать перестали, что первые порывы, первые мечты, первые надежды, первые планы, столкнувшись с трудностями этой непростой жизни, разрушаются, охлаждаются и умирают.

Братья и сестры, в Писании сказано, что мы должны держать ту любовь, которую приняли, держать дух, в котором живем, чтобы он не разрушился, чтобы он не ушел, не охладел, не умер. Вот к этому и призывает нас Господь. Он призывает нас во всем и всегда быть сынами Всевышнего, «ибо Он благ и к неблагодарным и злым».

Итак, будем же и мы милосердны, как милосерден Отец наш Небесный!

Аминь.

Покров Пресвятой Богородицы. вечерне после паримий

Во имя Отца и Сына и Святого Духа! Братья и сестры, христиане! Сегодня мы с вами начинаем празднование в честь Божьей Матери. Это один из центральных богородичных праздников, которые существуют в нашей современной церковной жизни. Вы знаете, что древняя Церковь совершала празднования в честь Божьей Матери в связи с тем или иным событием в жизни Христа и в первую очередь в связи с Рождеством Христовым, а также в связи с воспоминанием тех событий в жизни Христа, которые даны нам в Священном писании. Позже, начиная с эпохи Третьего Вселенского собора 431 г., Церковь начинает раскрывать в себе Образ Божьей Матери особо. Возникает некая мистика Покрова Божьей Матери. Этому способствовало и событие, связанное со спасением Константинополя.

Это событие и легло в основу нынешнего праздника. Константинополь, царствующий град вселенной, царствующий град экумены, как называла себя в то время Византийская (Восточная Римская) православная империя, был спасен благодаря видениям, явленным святым Божиим, — Покровом Богородицы. Это событие, произошедшее в середине IX в., отраженное в летописях, известно историкам, известно людям, занимающимся изучением наследия великих деятелей того времени, в частности, наследия патриарха Константинопольского Фотия, который написал два Слова в честь этого события, становится столь чтимым на Руси. Русь, которая в то время чуть ли не сама участвовала в событиях с противной Богу стороны, вдруг становится чуткой к этому Покрову Божьей Матери. И вот уже святой князь Андрей Боголюбский начинает утверждать на Владимирской земле этот праздник как праздник особого значения для нашей Церкви. Так этот праздник достиг высокого ранга, вы знаете, что он входит в число великих церковных праздников.

В чем же смысл этого праздника, дорогие братья и сестры? Сейчас мы с вами слышали паримии, хорошо вам известные отрывки из Ветхого завета, в которых прообразовательно говорится о служении Матери Божьей. И сегодня особым образом надо сказать о том, что прямо в Писании не сказано, но что следует из того, что сказано.

Мы с вами знаем, как сближены для христианина, каждого церковно живущего человека, образ Матери Божьей и образ самой Церкви. Мы не однажды уже говорили об этом. И я уже

приводил соображение, которое лежит в основе сближения этих образов: Телом Христовым является Церковь, и тело Христово было дано Матерью Божией Ее Сыну.

Мы с вами знаем, что Тело Христово — это мир Божий, Тело Христово — все то в этом мире, что сохранило свою изначальную и прочную связь с Богом, своим Творцом. И вот, братья и сестры, все что от Бога и с Богом собирается в этом мире, в этом Теле, это все, видимое и невидимое, небесное и земное входит в него. Это Тело одухотворено и одушевлено, оно живет, оно спасительно. Войти в это Тело, познать его, приобщиться ему — значит обрести спасение. Не случайно в древности христиане говорили: «Кому Церковь не мать, тому Бог не Отец».

Но ведь то же самое, братья и сестры, мы думаем и о Покрове Божьей Матери. То же самое содержится в прославлении Церковью этого великого, чудного, сиятельного, спасительного Покрова, распростертого над Божьей Вселенной, над миром Божиим.

Где благодать, там и Церковь, где благодать, там и Покров Божьей Матери. Не может быть такого, чтобы что-то благодатное, истинное, праведное осталось вне Христа, вне Бога. Ведь мы знаем также, что всякое благое даяние, всякий священный дар сходит свыше, от Отца светов. Поэтому будем искать этот Покров, Покров Божьей Матери, как будем искать и Божию Церковь. Будем, братья и сестры, чувствовать этот Дух, который вселяется в сердце каждого, кто живет высшей жизнью, жизнью не умирающей. За это мы и прославляем ныне Матерь Божию и Покров Ее.

Аминь.

* * *

Сегодня, братья и сестры, мы рады приветствовать клирика симферопольского собора иеромонаха Иоанна, который с нами молился в этом замечательном храме, который вместе с нами радовался возрождению нашего храма. И я надеюсь, что Господь ему даст вдохновение и он скажет нам несколько слов.

Слово иеромонаха Иоанна

Ваше преподобие! Дорогие братья и сестры! Совсем немного времени разделяет нас с о. Георгием с того момента, когда мы познакомились на древней Таврической земле, откуда пришло христианство и рассеялось по Руси. Я прибыл сюда по просьбе владыки Василия, Симферопольского и Крымского, по делам епархии. Он сказал мне: «Отец Иоанн, если Вам выпадет возможность встретиться с о. Георгием, передайте низжайший поклон ему и его пастве, архиерейское благословение через ваши священнические руки».

Я в первый раз вошел в этот собор и был очарован, очарован до такой степени, что нет слов, нет выражений, чтобы передать мое состояние, в котором я нахожусь до этой минуты. Во-первых, меня поразили прекрасные фрески, прекрасные по своему содержанию. Наверное, их осталось очень мало. Они сходны с росписью храма «Трех всадников». Недавно я посетил место, где в ранний христианский период был город Мангуп, столица княжества Феодоро. Он находится тоже на территории Крыма. Это место называется Эски-Кермен, что в переводе с татарского означает «старое городище, старый город». Роспись этого намоленного и древнего храма датируется XII в. И вот, есть нечто схожее между тем и этим храмами. Сходно не только художественное оформление, а сходен дух молитвенный, который пребывает в доме Божьем. Господь сказал: «Дом Мой домом молитвы наречется». И действительно, 70 лет раздоров, распрей, разрухи и духовной нищеты уничтожали культуру и памятники, но там, «где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

И действительно, мы собираемся в скромном помещении, но ничто не украшает так, как украшает молитвенное состояние нашей души. И вот лепота, красота, которая пребывает в вас, в вашей душе, в вашем сердце, облагораживает и этот древний храм, который ныне в плачевном состоянии. Государство не хотело помогать, не хотело восстанавливать, и вот, это бремя снова легло на церковь, которая строила эти храмы, проводила в них богослужения и которая ныне восстанавливает то, что ранее принадлежало ей и народу.

Я хотел бы еще сказать вам: любите своего священника, потому что таких священников очень мало. Батюшка и образован, и достаточно молитвенен, чтобы вести по стезе спасительности вас, христиан, тех людей, которые выбирают путь служения Церкви, приобщаются к церковности, которые будут креститься или уже крещены, которые за имя Господне с крестным знаменем на своей груди готовы пойти и в ад, и в воду, готовы пройти и медные трубы, и при этом остаться христианами без гордыни, без порока. И Господь скажет вам: «Придите ко Мне, возлюбленные, наследуйте Царство Небесное, уготованное вам от сложения мира».

Аминь.

14 октября. Слово на утрене после Евангелия (Лк 1: 39–49, 56)

Братья и сестры, христиане! Сейчас мы слышали, как произошла встреча Марии и Елисаветы, Матери Господа и матери Иоанна Предтечи. Здесь, в этих словах, нам тоже начинает приоткрываться тайна Покрова Пресвятой Богородицы. Смотрите, как произошла эта встреча: Елисавета только услышала приветствие Марии, как сразу «взыграл младенец во чреве ее», и Елисавета «исполнилась Святого Духа» и стала благословлять Бога и Ее, благословляя Плод чрева Ее.

Братья и сестры, это как раз то, что мы почитаем на праздник Покрова Божьей Матери, когда происходит как бы и наша встреча с Ней, когда и мы тоже исполняем Духом Святым и сердце наше благословляет Божью Матерь и Плод Ее чрева. Это действительно встреча в общении Духа со Христом и Матерью Божией в Церкви Христовой, встреча, которая для нас духоносна, которая для нас радостна, которая для нас мирна. В этой встрече есть тоже суть сегодняшнего праздника.

Нам с вами нужно постоянно иметь такой мир, такую радость, нам нужно всегда чувствовать, что сердце наше благословляет Бога, благословляет Плод чрева Божьей Матери, Ее Саму и Ее Покров. И сегодня, в этот радостный, чудесный день Покрова Пресвятой Богородицы, мы с вами, конечно, исполняем этой радостью, и дай Бог, чтобы эта радость ни у кого не прошла, а у кого ее мало, чтобы она умножилась.

Пришествие Божьей Матери покрывает нас чудным Покровом, а это значит, что если мы с вами становимся такими членами Церкви, которые радуются друг другу, которые с верой, надеждой и любовью открывают свои сердца друг другу, то Божья Матерь коснулась нашего сердца и Сам Господь воцарился в нем.

Будем, братья и сестры, молить Господа, чтобы с нами неотступно пребывал Покров Пресвятой Богородицы, чтобы наша жизнь в Церкви была не формальной, не внешней только, но чтобы она была утверждена в этом глубоком, полном и ясном свете Покрова!

Аминь.

18 октября. Память святителей Московских. Слово на утрене

Дорогие братья и сестры! Сегодня мы с вами чтим память Всероссийских святителей. Было время, когда наша Церковь почитала только трех святителей — Петра, Алексия и Иону, подобно тому как Византия гордилась своими тремя святителями — Василием Великим, Григорием Богословом и Иоанном Златоустом. Но жизнь шла вперед, и святителей Московских становилось больше. Сначала четыре, потом пять, сейчас их еще больше. Так вы знаете, что прославлен великий святитель Московский патриарх Тихон. Сегодня же мы празднуем память тех, которые особо выделены в этой чреде московских святителей, — память Петра, Алексия, Ионы, Филиппа и Ермогена.

Празднование в честь Всероссийских святителей было установлено в этот день еще Патриархом Иоакимом. Посмотрите, вот в алтаре и перед алтарем нашего храма вы видите фрески, на которых изображены все патриархи Московские. Эти святители могут быть не канонизированы, но они изображены с нимбами. Мы помним историческую роль каждого святителя нашей церкви. Каждый из них, бесспорно, что-то внес в нашу историю, но не было таких среди них, которые бы жили и что-то делали во славу свою или во имя свое, и при этом почитались народом. Можно было даже как здесь изобразить на стенах храма с нимбами всех подряд, но народ ведь помнит свою историю, а Церковь помнит, выделяет и молится не всем из них, братья и сестры...

Видите, наш храм и в этом смысле совершенно уникален, наш храм и в этом плане не похож ни на один храм по всей нашей земле. Это и понятно, ведь он, как никакой другой, кроме Успенского собора в Кремле, связан с образом Божьей Матери — с Владимирской иконой Божьей Матери, Которая стала покровительницей нашего града, царствующего града, а также наших правителей, как светских, так и духовных. Поговорим же сейчас о тех, кого Церковь и народ бесспорно поминают вместе.

Сперва я в двух словах напомним некоторые детали из жития этих святителей московских для того, чтобы вам показать, как достойно своего христианского звания служили они нашему отечеству, нашему народу, нашему обществу. Первый из них — святитель Петр. Именно он, будучи Митрополитом Киевским и всея Руси, перенес столицу митрополии в Москву. Именно он заложил основание для ее авторитета. Не будь этого шага, Москва, может быть, никогда не стала бы государственным центром, и совсем по-другому развивалась бы наша с вами история. Невозможно представить — как, но совершенно точно можно сказать, что по-другому. Этот шаг святителя был судьбоносным. Ведь Москва потом объединила на Руси всех, и неизвестно, были ли еще какие-то иные силы для того, чтобы это сделать. Став именно церковным центром, Москва приобрела основания для политического объединения Руси. Святитель Петр благословил и строительство в Москве Успенского кафедрального собора.

Святитель Петр жил в самом начале XIV в., а святитель Алексий — это уже его середина. Алексий был регентом малолетнего великого князя Дмитрия Донского, фактической главы государства в смутное время рабства. Рабства, в первую очередь духовного, а потом уже всякого другого ига, когда народ почти был готов уже добровольно встать на колени духовно, не будучи способным воззреть на небо. Святитель Алексий делал очень много для водворения и укрепления мира на нашей земле. Он поддерживал преподобного Сергия Радонежского, и конечно, духовно подготавливал победу во времена правления Дмитрия Донского. Митрополит Алексий основывал монастыри, ставшие потом духовным и военно-политическим оплотом столицы, нашей гордостью: это Чудов монастырь в Кремле, монастыри Андрониковский, Спасский. Хотя теперь все это либо уничтожено, либо находится в разорении, для нас с вами это все равно очень значительные духовные центры России. Так, например, Андрониковский монастырь, мы с вами это помним, более всего в Москве связан с именем прп. Андрея Рублева.

Далее, святитель Иона. Это первая половина и середина XV в. При нем наша Церковь

становится самостоятельной, автокефальной. Он — первый на Руси митрополит, избранный собором русских епископов без утверждения Константинопольским патриархом.

Святитель Филипп — это уже середина XVI в., времена Ивана Грозного. Он был задушен Малютой Скуратовым за то, что обличал царя. Да какого царя! Мы никогда не должны об этом забывать. Нас иногда обвиняют наши враги, говоря: «Вы — рабы и всегда были рабами», и часто пытаются так же воспитывать современных людей. Мол, что есть в вашем народе? Ничего никогда в нем не было и нет, кроме страшного рабства. Но это, братья и сестры, клевета и неправда. В нее могут поверить только люди, абсолютно невежественные или тенденциозно смотрящие на историю, слишком тенденциозно. Не забудем же, что митрополит Филипп обличал царя и делал это с честью. Он не винился, хотя знал, чем это может кончиться для него. И он был смещен государем, а потом по повелению государя мученически и погиб.

Святитель Ермоген тоже погиб, но погиб от голода в заключении при польско-литовском нашествии. Это тоже было в смутное время нашей истории. Патриарх Ермоген рассылал письма по всей стране, призывая собирать ополчение против врагов народа. Он добился своего, но заплатил за это жизнью, братья и сестры. Все ли из вас знают об этом? Я ведь говорю только о самом главном, но в каждой из этих историй очень много интереснейших подробностей. И каждый из вас может и должен познакомиться с ними. Святитель Ермоген — также слава нашего отечества.

Не менее великим, как вы знаете, был и святитель Тихон. Он тоже погибает, но уже при советской власти. Сколько клеветы было обрушено на этого чистейшего, честнейшего и добрейшего человека, который посмел иметь свое мнение и выражать его вслух в дни жесточайшего террора, которого еще не знала наша страна! Кем только не называли его не только при жизни, но и посмертно! Но этот человек действительно отдал свою жизнь для того, чтобы Церковь могла существовать. Хотя надо заметить, что тут пришлось и ему идти на некоторые компромиссы. Патриарх Тихон видел силу надвигающегося зла и понимал, что нельзя не пойти на эти компромиссы. Сейчас так много разговоров о действиях патриарха Сергия. Но мы с вами знаем, что патриарх Сергий почти ничего не внес сам от себя, он только повторил сказанное патриархом Тихоном. Да, это был компромисс, но компромисс вынужденный, когда по независящим от патриарха Тихона или митрополита Сергия причинам приходилось выбирать из двух зол меньшее.

Вот, братья и сестры, какой у нас с вами сегодня памятный день. Но еще хочу обратить ваше внимание на икону Божьей Матери Умиление. Владимирская икона Божьей Матери не однажды спасала Русь, не один, не два и не три раза. Божья Матерь — прямая спасительница нашего народа и нашего храма. Вот и об этом давайте не будем забывать.

Мы слишком долго воспитывались не в очень христианской атмосфере, нам постоянно говорили, что церковь, общество и государство, а под государством подразумевали все общество, разделены. Так пусть церковь занимается своими делами, кадит и кропит, в крайнем случае может покрестить, повенчать, отпеть — и все, ну может еще выступить на какой-нибудь политической конференции по подсказке, по шпаргалке, подготовленной другими. Вот и все, что отдавали церкви. Сейчас же — немножко больше: коли мы опозорились, храмы стоят разрушенные, давайте отдадим их церкви, сами ведь сделать ничего не можем; коли мы опозорились и со всякого рода милосердием на весь мир, не можем помочь ни больным, ни старикам, ни детям — ничем никому вообще-то, пусть и занимается всем этим церковь. Да, церковь должна это делать, это — ее внутренняя потребность, но в ту меру, в какую у нее есть на это силы. А когда о церкви говорят, что она должна заниматься еще чем-то новым, другим, что она должна делать еще нечто и в обществе, и у себя внутри, то тут часто начинается недопонимание.

Братья и сестры, памятуя о великих святителях московских, подумаем, как и нам с вами служить отечеству небесному и отечеству земному. Может быть, в отдельности нам трудно сделать здесь что-либо реальное, но вместе, коли Господь дал нам тут жить и служить, мы кое-что можем, и наш голос может быть услышан. Повторяю, это так, если мы будем вместе, если мы не будем раздираемы противоречиями, грехами, страстями, самомнениями, эгоизмом, корыстью. Если мы будем подражать вере святых, как сказано в Писании: «Взирая на кончину жизни их, подражайте вере их», если мы будем служить Богу и ближнему, то Господь примет всякую нашу молитву. А не будем — не примет. Мы только зря время потеряем, да еще осуждение себе заработаем.

Богу угодить не просто, братья и сестры. Не потому, что Бог сложен, Бог абсолютно прост, а потому, что мы еще очень сложны, как бы «сложены» из разных частей, не очень-то подогнанных друг к другу. Вот эта наша сложность, наша сложенность и не позволяет иногда нам жить в полноте духа, в том единстве духа, которое может и горы переставлять. Это было возможно для великих московских святителей и пусть они нам будут всегда примером в этом.

Аминь.

Слово после утрени

Дорогие братья и сестры! Мы с вами сегодня слышали некоторое напоминание жития святителей Московских. Действительно, они вошли в двери, которые есть Сам Христос, вошли и вышли, и нашли великую пажить. Они сохранили свое стадо, они не дали волкам расхитить это стадо — никакие ереси, никакие расколы не повреждали стадо Христово. Они не были наемниками, они действительно знали голос Христов и шли за Ним, и учили тому же своих овец.

И нам невозможно подчиняться лишь одним внешним авторитетам, дорогие братья и сестры. Каждому из нас надо знать голос Христа, надо знать, за Кем нам следовать, за Кем мы следуем и в Кого мы верим. Конечно, нам для этого нужны такие пастыри, которые вошли дверью Христовой вглубь, внутрь Церкви, Тела Христова, которые готовы нас призвать и повести. Истинный пастырь готов положить всю жизнь свою за это, но и мы тоже должны быть готовы положить свою жизнь за людей. Примером для нас в Церкви всегда будут святители, о которых мы говорили и память которых мы сегодня празднуем.

Аминь.

v

[1] Начало годового цикла проповедей о. Георгия см. в журнале «Православная община», № 3 за 1992 г.

: Мой путь к Богу и в Церковь

Свидетельства

М.В.

Свой путь к Богу и в Церковь я назвала бы «шаг вперед, два назад». Крестила меня в детстве бабушка, она же, видимо, водила меня и причащаться, так как я смутно помню себя в церкви, запах ладана, церковное пение. Помню, как она молилась дома, ставя и меня перед иконой на

колени. Перед иконой горела лампадка, а про жизнь Иисуса Христа, мне казалось, я знала всегда. До восьми лет я носила нательный крест, но во втором классе во время медосмотра в школе у меня его обнаружили. Это было в начале 60-х годов. Хорошо еще, что была маленькая. Я это запомнила на всю жизнь. Крест пришлось снять. В последующие годы, вплоть до моего поступления в институт, не происходило ничего, что заставило бы меня думать о Боге, хотя я и ходила с подружками святить куличи и на крестный ход на Пасху. О Боге я вспомнила, поступая в институт, через два года после окончания школы, проучившись перед этим на подготовительных курсах и один раз не пройдя в институт по конкурсу. Не будучи очень хорошо подготовленной, я решила все-таки сдавать экзамены на заочное отделение, как бы для тренировки. Конкурс был большой, проходной балл высокий. Я сдала три экзамена на «четыре», и мне оставалось надеяться только на чудо. Вот тогда-то я и поставила Богу условие: «Господи, если Ты есть, сделай так, чтобы я поступила в институт», докажи, мол, тогда поверю в Тебя. В институт я поступила, сдав последний экзамен на «пять» и набрав необходимый проходной балл. Об этой молитве своей, об испытании Бога я не забыла, хотя и не сделала ничего в знак благодарности. Тогда еще я была очень далека от этого. Вскоре у меня начались неприятности со здоровьем, которые обострились после того, как я попала в автокатастрофу. (Сильно я не пострадала, так как посреди дороги почему-то вдруг решила пересечь на другое место, но головой ударилась.) К тому же было много личных переживаний, появилась тоска, уныние, острое чувство одиночества, нарастала обида (почему это происходит именно со мной?), жизнь теряла смысл, появились навязчивые мысли (как будто кто-то подзуживал) уйти из жизни, но в глубине души я почему-то понимала, что не сделаю этого. Я не знала, как жить в этом мире, чувствуя, что уже не вписываюсь в свою прежнюю жизнь, и видя, что подход к жизни у людей разный. Я ощущала себя растерянной и беспомощной, очень хотелось, чтобы кто-то поговорил со мной, научил, как жить. Сил не было, к тому же я просто задыхалась в городе, куда мы переехали из поселка. Очень не хватало природы, хотелось уехать, изменить что-то. Было ясное ощущение, что живем не так, была даже уверенность, что многие люди это чувствуют и понимают, и совсем скоро начнут менять свою жизнь на более естественную. Мне сказали, что моя физическая немощь происходит от того, что в народе называется «порча». А я была очень суеверна, верила в белую и черную магию, гадания, сны, интересовалась астрологией, хотя и замечала, что все это как бы высасывает силы, опустошает, порождает страхи. Начался поиск бабок, чтобы отчитали, но ничего не ладилось – как стена стояла. Врачи же разводили руками, не находя ничего существенного. Те бабки, которые впоследствии все же нашлись, до конца отчитать не смогли. Я ходила даже к цыганкам, которые говорили, что «сделано очень сильно». Были мысли и о церкви. Часто вспоминала, как однажды повстречался мне в метро седой, с бородкой, аккуратный старичок и сказал, что я долго буду болеть. В моем воображении он связывался с образом Николая Угодника, который, как говорили, иногда является людям. Но в церковь я пойти не решалась, боялась, стеснялась, просила маму, чтобы она заказала молебен о моем здравии св. Николаю. Мама тоже долго не могла собраться в церковь: то ее что-то отвлекало, то ей становилось в храме плохо. Это тянулось года два. В институте я взяла академический отпуск, с работы уволилась, на новую никак не могла устроиться, да и не было сил – ни физических, ни моральных. В конце концов мама все-таки заказала молебен. Я не помню, чтобы произошло какое-то явное чудо, но постепенно все налаживалось. Я работала, заканчивала институт. Но о Боге всерьез не думала и продолжала жить по-прежнему: ругаясь с мамой, раздражаясь, копя обиды, впадая в уныние, осуждая других, завидуя. Совершенно не умела справляться со своими эмоциями, страстями, хотя и чувствовала, что они меня заводят не туда. В церковь сознательно я пришла в начале 80-х годов, после совершения тяжелого греха, который на меня сильно давил, не давая думать ни о чем другом. Тогда я впервые ощутила острую необходимость в покаянии. На первую в своей жизни исповедь я попала к о. Александру Меню, совершенно ничего о нем не зная. Привела меня к нему после моих многократных просьб моя сокурсница. Каялась я искренне, грех был отпущен и действительно, спустя какое-то время, перестал меня тяготить. Я

старалась ездить в храм регулярно, хотя это было очень тяжело физически, так как тогда я работала с одним выходным днем в неделю. Службу я выстаивала с трудом, и остаток дня потом отлеживалась с головной болью. Но я начала читать утренние и вечерние молитвы, прочла книгу о. Александра «Сын Человеческий», которая как бы напоминала мне о том, что я знала с детства, дополнив это и по-новому объяснив. Помню, как радостно-спокойно и уверенно я себя чувствовала, а прочтя о том, что Бог не только не небесах, но и рядом, на земле, в божественных энергиях, я очень остро ощутила однажды, идя летним солнечным утром на работу, что Бог где-то совсем рядом со мной. Я думала о том, что Бог не возложит креста, который не по силам, Сам поможет нести этот крест, и это помогало мне переносить физическую боль, что всегда было для меня очень тяжело. Но все это длилось недолго. Дело в том, что тогда я впервые увидела в церкви не только бабушек-старушек, но и других людей. И очень скоро поняла, что в их круг я не войду, хотя и очень хотелось. Моя подруга тоже была в него не вхожа, хотя знала о. Александра с детства и одно время даже дружила с его дочерью. Итак, мы оставались с бабушками. Но не только это угнетало меня, а еще и то, что моя подруга осуждала окружающих и подозревала всех и вся в своих неудачах. Пришлось мне услышать много нелестных слов и об о. Александре. Мне было очень неприятно выслушивать это по пути из храма, когда хотелось молчать и хранить внутреннюю тишину после причастия. У меня не хватало сил остановить подругу, образумить, и я лицемерно поддакивала, не желая огорчать ее, а на душе становилось все хуже и хуже. Вскоре мы с ней все же поссорились и перестали общаться, что было довольно трудно и неприятно, так как мы вместе работали. В итоге в Новую Деревню я ездить перестала. Какое-то время еще думала о Боге, о Церкви, однажды Великим постом даже исповедовалась и причастилась в другом храме, но постепенно все заглохло, и я продолжала жить прежней жизнью, все больше озлобляясь и расслабляясь. (Была у нас на работе еще одна верующая женщина, но, видя ее мечтательно-отрешенный вид и недобросовестное исполнение служебных обязанностей, я не спешила сойтись с ней поближе.)

В 1987 г. я почти одновременно познакомилась с двумя женщинами, одна из которых вскоре воцерковилась и сейчас является членом Общества христианского просвещения им. Игнатия Брянчанинова в Санкт-Петербурге, а другая начала заниматься раджа-йогой по системе В. Антонова. С ней я общалась чаще и теснее, и она оказала в тот момент на меня большое влияние, много рассказывая об их занятиях, давая читать методическую литературу, пытаясь привлечь в их школу. В то время у меня было много проблем не только со здоровьем, но и личных. Летом 1990 г. все это переплелось в один клубок. Я снова уперлась в стену, потерпев очередной крах в жизни. И вот тогда до меня, наконец, дошло, что я все время хожу по кругу, не делая практически никаких выводов из того, что со мной происходит, не прилагая никаких усилий, чтобы что-то изменить. Как озарение, пришла мысль, что я живу, наверное, для чего-то другого, чем просто выйти замуж, растить детей и т. д., что если у меня это отнимается, то затем, чтобы я поняла, что в жизни есть что-то еще, какой-то высший смысл, и моя реализация в жизни, мое служение какое-то другое. Это произошло по пути в летний выездной лагерь антоновской школы, где занималась моя подруга и куда она пригласила меня приехать на день-два. А в лагере, среди прекрасной природы, в хорошую погоду, питаясь чистой и энергетически заряженной пищей, я вдруг почувствовала себя очень плохо. Думая, что сказывается недосыпание после ночной смены, я решила отдохнуть, но не смогла уснуть. Не помогали ни лекарства, ни популярный метод лечения и подзарядки у деревьев. Мне становилось все хуже и хуже. Меня посмотрели наиболее способные в лагере экстрасенсы и пришли в ужас от того, какой загрязненный и больной у меня организм. После этого мне было рекомендовано заниматься хатха-йогой и читать Евангелие. С большим трудом с помощью подруги поздно вечером мне удалось уехать домой. Когда мы отъехали от лагеря на приличной расстоянии, мне полегчало, и домой я добралась относительно благополучно. Данные мне рекомендации я не оставила без внимания, и после той поездки действительно начала менять свою жизнь. Я перестала есть мясо, чтобы хоть как-то очистить свой организм, а с осени стала заниматься на курсах хатха-йоги в Центре йогакультуры и йоготерапии «Лотос» по методике

Лакнаусской школы хатха-йоги, считающейся наилучшей для начинающих. (У нас в стране ее с 60-х годов пропагандирует А.Н. Зубков.) Занималась я в течение года, разучила весь комплекс и дошла до пранаямы, но заниматься ею не стала, потому что к тому времени меня очень сильно стал волновать вопрос: «Почему Церковь против йоги?» С этим вопросом я и подошла в мае 1991 г. к давнему знакомому моей приятельницы из брянчаниновского общества. Я слышала, что он прошел большой духовный путь, но, к сожалению, в одиночку. Знала, что он ходит в храм к старообрядцам и несколько месяцев назад крестился там, вернувшись в православие от баптистов. Я надеялась, что он поможет мне лучше понять христианство и церковь, тем более, что йогой-то я занималась, а до Евангелия все как-то не доходило. В результате наших многочасовых и многодневных разговоров с цитатами из Евангелия, мое отношение к церкви не улучшилось, а ухудшилось. Было не совсем понятно, почему человек, понявший Христа и увидевший в Нем Истину, так плохо относится к христианству. Мы часто ездили в лес, так как природа много значила для нас обоих. Видя мое слабое здоровье, он начал приобщать меня к занятиям по системе П. Иванова, чьим последователем он был до прихода в христианство. Я стала обливаться холодной водой, купаться в ключевой воде, что раньше для меня было совершенно немыслимо. Хотелось и духовного единения, так как мы оба были одиноки и оба стремились к Богу. И вот однажды вечером он меня, как он сказал, «принял», т. е. совершил надо мной какой-то обряд, в результате которого как бы взял на себя ответственность за меня. Я должна была лечь на землю и закрыть глаза. Он стоял надо мной, я не видела, что он делал, слов никаких не слышала, почувствовала только, как он коснулся руками моих ног и головы, и ощутила темноту в голове. А вскоре произошло следующее. В ночь на Ивана Купалу мы были в лесу. Вечером гуляли, любовались природой. Над рекой в низине лежал туман, была полная луна, и все вокруг выглядело волшебным-сказочным. Позже, в палатке, во время разговора я вдруг почувствовала такой неопишуемый страх, что зажмурила глаза и боялась открыть их, думая, что увижу вместо моего спутника что-то ужасное. И только после того, как я перекрестилась, я осмелилась открыть глаза. Мой спутник смеялся. Внешне ничего не изменилось, но в палатке я оставаться больше не могла и пошла в машину. Долго не могла я сомкнуть глаз, с поразительной ясностью вдруг ощутив себя как бы на острие иглы, на перепутье. С одной стороны, все мои страхи и сомнения – ерунда, чушь, надо отказаться от них, отдаться какой-то силе – и полетишь над землей в ночном небе, будешь жить сегодня, сейчас, вдыхая полной грудью, а есть ли что после смерти – никто не знает. А с другой, это очень опасно, как говорит Церковь. Если согласиться на это, потеряешь душу и жизнь вечную. Я испугалась выбрать первое, так как где-то в глубине души боялась потерять Бога, так же как и во время занятий йогой я инстинктивно боялась залезть во все это слишком глубоко и уходить далеко от Христа. И я тяжело и уныло выбрала второй путь, хотя многое было непонятно, но что-то внутри меня не давало поступить иначе. Осенью 1991 г., во время поездки в Санкт-Петербург, я пришла в храм брянчаниновского общества, и моя знакомая, зная о моих метаниях и сомнениях, настояла на том, чтобы я пошла на исповедь к о. Владимиру Цветкову, хотя я считала, что не готова к исповеди. Я знала о своих недостатках, понимала, что мне трудно от них избавиться, сильно переживала из-за этого, впадая в уныние и думая: «Я и так знаю, что я плохая, ну что нового может сказать мне священник?» Но тут впервые в жизни мне пришла в голову мысль попросить Бога, чтобы Он через священника сказал мне о том, как мне быть и что делать. О. Владимир поразил меня тем, что он не ругал меня, а утешал. Я почувствовала такую любовь и заботу, исходящую от него, что у меня как бы открылись глаза, и я увидела его по-новому. И в храме атмосфера мне очень понравилась, а больше всего удивляли дети, их естественное, спокойное поведение: мальчики постарше входили в алтарь, готовили теплоту, а совсем маленькие присматривали за свечами. Отец Владимир допустил меня до причастия и сказал, чтобы я старалась причащаться не реже одного раза в два месяца, а лучше – ежемесячно. В 1991–1992 гг. он еще приезжал в Москву регулярно, читал лекции в московском филиале Общества. Я ходила на его лекции, а также на лекции в ЦДКЖ, организованные братством во имя Всемилостивого Спаса, куда он мне советовал ходить, так же

как и в храм Николы в Кузнецях. Этот храм я уже знала, однажды по наитию туда забрела, и он мне очень понравился. Но чувствовала я себя там чужой, хотя и видела знакомые лица из брянчаниновского общества. В 1991 г. с начала Рождественского поста я стала поститься, стараясь строго соблюдать то, о чем говорил о. Владимир на лекциях. Я давно уже читала молитвы утром и вечером, теперь же старалась обязательно прочесть в пост что-либо из духовной литературы, и внутренне пыталась быть более собранной и внимательной, по-возможности избегая развлечений. В храм же я по-прежнему шла тяжело, с трудом выстаивала службу, но в пост старалась хоть раз обязательно причаститься. На исповедь в основном ходила во Владимирский храм в Мытищах, но постоянного духовника не имела. В январе 1992 г. на работе официально объявили о предстоящем сокращении. С того времени осознанно и продуманно я впервые начала молиться своими словами каждый день, решив положиться на волю Божию. 16 марта 1992 г. мне объявили о том, что я сокращена. И тогда же я явно почувствовала заботу Божию о себе: именно в этот день из Петербурга приехал о. Владимир. Мне об этом сообщили несколько человек, среди них были и совершенно незнакомые люди. После лекции я подошла к нему с просьбой благословить меня на поиски новой работы. Он участливо расспросил обо всем, благословил и посоветовал сходить в Знаменский храм помолиться св. мученику Трифону. Не сразу, но я последовала его совету. Вскоре мне предложили работу. Мне очень нравился Знаменский храм. Я неоднократно приезжала туда вечером одна или с подругой, заказывала молебны св. Трифону, да и сама ему постоянно молилась, так как на новом месте мне и работать было сложно, и отношения с коллективом складывались непросто. Но я смирилась и не делала никаких выводов в течение года, так как решение работать здесь приняла сознательно после тяжелой внутренней борьбы, предвидя, что будет трудно, и чувствуя, что зачем-то это нужно. В течение всего года я ежедневно молилась своими словами, прося Бога послать мне единомышленников, друзей по вере, хорошего пастыря, так как поняла, что в одиночку прийти в Церковь и найти хорошего пастыря очень трудно. И вот через год ко мне подошла девушка из другого отдела, с которой мы немного сблизились и незадолго до Пасхи 1993 г. разговорились о Боге, и сообщила о существовании Огласительного училища при Владимирском храме на Большой Лубянке. Во мне поднялась волна благодарности к Богу за то, что Он снова откликнулся на мою мольбу, и стало стыдно за свое маловерие. В ближайшую же субботу мы приехали в храм, но нам сказали, что в Пасхальный поток мы опоздали, и дали рекомендации, что читать, чтобы не терять зря времени до набора следующего Успенского потока. И я стала регулярно ходить во Владимирский храм, решив на время подождать с причастием, чтобы сначала пройти подготовку на оглашении и воцерковиться по-настоящему.

Е. Ш.

Мой путь к вере начался, наверное, так же, как и у любого «убежденного» атеиста, - с внезапного осознания смысла человеческой жизни. Я уверовала в Бога, конечно, не сразу. Во мне происходила жесткая борьба накопленных за годы жизни убеждений. Неужели соль жизни в том, чтобы получить образование, воспитать потомство, передать ему накопленный опыт, каждый день мечтая при этом поймать за хвост птицу счастья? Я прекрасно понимала, что счастье - в любви к близким, друзьям, плодам собственного труда. Но однажды наступило озарение, что истинное счастье - в любви к Богу, и Господь не замедлит дать ответ. «Благуя Весть» я услышала от протестантов, христиан веры евангельской ("пятидесятников"), до этого дня даже не зная, кто же собственно Иисус Христос. В мою душу было посеяно зерно веры, и оно не давало мне покоя. Я стала посещать проповеди протестантских священнослужителей, евангельские встречи с просмотром кинофильмов, которые проходили в арендованном ими актовом зале городского технического училища. Не скрою, было очень интересно. Проповедники - достаточно образованные, эрудированные люди для того, чтобы заинтересовать молодежь, только вступившую на путь веры. Основная масса уверовавшей в

Господа Иисуса Христа молодежи нашего маленького города – члены церкви христиан веры евангельской. Среди них есть и мои друзья, к которым я по-прежнему очень хорошо отношусь. Они выбрали свой путь. Я оставалась на распутье. Был соблазн отправиться в православный храм, принять крещение, а затем перекреститься в протестантской церкви, как поступали многие братья-пятидесятники. Но жизнь в секте мне как стороннему наблюдателю показалась слишком шаблонной. Полагалось придти на собрание общины без всякой подготовки, по зову сердца произнести покаянную молитву со слов проповедника в присутствии всей церкви, а затем в этот же день в доме руководителя общины получить дар Святого Духа (т. е. говорения на «иных» языках). Затем месяца через два – водное крещение. Все было очень просто. Сильный руководитель общины являлся кумиром, властным хозяином, следящим за жизнью людей в церкви и вне ее. Человек привык подчиняться: очень удобно не думать, а исполнять конкретные законы и запреты. И я была в течение двух лет на грани выбора пассивного удобства, но что-то мешало мне перешагнуть эту грань. Жизнь Православной церкви тоже не стояла на месте. В городе началась реставрация полуразрушенного Черноостровского монастыря, возвращенного церкви. В нем поселились монахи, возобновившие прерванные десятилетиями службы. Зачем русскому человеку западные конфессии, если тысячу лет назад наши предки славяне, язычники, сделали выбор – православное христианство? Чуть позже я была счастлива, узнав, что в Москве существует храм, где возрожден опыт оглашения. И я верю, что труд людей, занимающихся этим благодатным делом, увенчается успехом. Это как никогда необходимо россиянам.

: Третья открытая (миссионерская) встреча в Огласительном училище при МВПХШ (март 1994 года)

Миссионерство и катехизация

[1] Слово о. Георгия Кочеткова

Как мы вам и обещали, сегодня мы более подробно поговорим о том, что такое оглашение.

Оглашение будет проводиться в небольших группах по 15–20 человек. Каждую группу будут вести два катехизатора. Встречаться вы сможете в приходском доме, как это было и прежде.

Мы расскажем, какие пособия вам понадобятся в первую очередь на первом этапе оглашения, затем о том, что представляет собой катехизация взрослых в современных условиях. Также я расскажу вам о храме, и о том, как в нем надо себя вести. Современные люди обычно этого не знают. Как правило, будучи в своем личном благочестии и личном опыте очень оторванными от храма, они боятся, что их одернут, что им нагрубят, или что они сами сделают что-то не то. Нам очень важно, чтобы у вас этих проблем не было, чтобы вы могли войти в храм Божий достойно, чтобы вы могли в нем чувствовать себя действительно народом Божиим, детьми Божиими. Храм — это дом Божий, дом нашего Небесного Отца, и чувствовать себя в нем мы должны как в своем отечестве: и благоговейно, и достойно, и в то же время дерзновенно, как и положено сынам, а не рабам.

Что вам необходимо сейчас в первую очередь? Чем вы будете заниматься на первых этапах катехизации? Я думаю, из прошлых наших встреч вы поняли, что прежде всего вы, как

христиане, должны знать Евангелие. Вы должны последовать за Господом и, значит, знать дух евангельский, который мы с вами принимаем. Поэтому, вам нужно будет читать Евангелие, и прежде всего — первые три Евангелия, наиболее подходящие оглашаемым. Читать независимо от того, с чего в духовном плане вы сейчас начинаете. Некоторые из вас некрещенные, некоторые никогда не были в храме, или лишь случайно заходили в него, или даже имеют какой-то негативный опыт встречи с христианством, или христианами, может быть, не очень достойными своего звания, последствия чего нужно будет преодолеть духовным усилием.

Итак, вам нужно будет читать первые три Евангелия, пользуясь русским текстом Евангелия в «синодальном» переводе. При всех своих недостатках, этот перевод является единственным утвержденным церковью, Синодом, поэтому в основу вашего домашнего чтения будет положен именно этот текст. Наверное, он у вас есть. Сейчас нет никаких проблем с тем, чтобы иметь Евангелие. Слава Тебе, Господи! Уже не первый год мы свободно можем приобретать Священное писание. Но если вдруг у кого-то нет Евангелия, Нового завета, то вы можете прямо сейчас здесь его купить. Из Нового завета, кроме первых трех Евангелий, мы вам пока более ничего читать не рекомендуем. Остальные тексты будут вам доступны несколько позже, когда вы уже укрепитесь в слове евангельском, которое для христиан является поистине основополагающим.

Вы можете пользоваться разными изданиями Нового завета. Тексты всюду одинаковые. Но есть еще одно издание, которое мы всем вам советуем иметь, и которым рекомендуем пользоваться — это так называемый «парижско-брюссельский» перевод Нового завета. Это действительно другой перевод, который на целый век моложе «синодального». Сделан он в православном Свято-Сергиевском институте в Париже его ректором, епископом Кассианом (Безобразовым). Он вам особенно понадобится, когда будет что-то непонятно в «синодальном» переводе, имеющем целый ряд недостатков. С одной стороны, «синодальный» перевод тяготеет к привычному в то время церковнославянскому тексту, с другой стороны, в нем сохранено много старых, бывших когда-то на слуху у всех церковных людей церковнославянских форм, которые уже давно устарели, а иногда совсем непонятны современному человеку. «Кассиановский» же перевод лишен этих недостатков, это высококультурный перевод. Делал его один из церковных деятелей, принадлежащий к той части русской эмиграции, которая смогла направить свои усилия за границей в Париже на церковную деятельность. Итак, один перевод дополняет другой, и будет очень хорошо, если вы, прочтя первые три Евангелия в одном, прочтете их и в другом.

Читать Евангелие мы вам рекомендуем подряд, ничего не пропуская. Евангелие нужно знать полностью. Это очень важно. Конечно, вы можете посмотреть какие-то параллельные места, но читать надо последовательно, и именно в том порядке, в котором Евангелия расположены в каноническом тексте: Евангелие от Матфея, Марка, Луки. Вероятно, вы уже не раз читали Священное писание Нового Завета. Хорошо это или не очень хорошо — будет видно. Так или иначе всем вам сейчас в равной степени следует делать то, что мы вам рекомендуем. Евангелие даст как бы духовный тон всей вашей жизни. Мы должны жить по Евангелию, ибо оно свидетельствует нам о Христе. Само слово «евангелие» в переводе с греческого означает «благовестие», «благовествование», «благую весть», «радостную, счастливую весть». Это то, что вам необходимо сейчас для вашей жизни, каждому из вас, независимо от прежних культурных навыков, независимо от возраста, пола, состояния здоровья, традиций, национальности. Никакого значения пред лицом Евангелия все эти вещи, как вы знаете, не имеют.

Мы будем просить всех вас не просто читать, а работать над Евангелием. Это значит, что вам обязательно надо будет записывать все ваши вопросы, возникающие по ходу чтения, — и

простые и не простые, и те, которые вам могут показаться страшными и даже неразрешимыми, и сугубо внешнего характера, связанные с тем, что вы не понимаете какое-то слово, или какой-то переход мысли. Пусть вам иногда кажется, что какое-то место Евангелия противоречит жизни или неисполнимо в наших современных условиях. Не доверяйте таким ощущениям, возьмите и запишите ваше сомнение. И я уверен, что вы получите ответ, который вас удовлетворит.

Конечно, при этом стремитесь и сами получать ответ; не только приносите вопросы на ваши встречи, но и работайте сами. Мы не запрещаем вам пользоваться какой-то дополнительной литературой, не запрещаем беседовать друг с другом или с кем-то еще. Пожалуйста, вы можете свободно это делать.

Только просим об одном, — будьте внутренне честными и открытыми. Не проходите мимо ваших вопросов. Если есть у вас какой-то вопрос сегодня, записывайте его, если он разрешен, то спокойно вычеркивайте, хотя, может быть, что пройдет год, и он снова встанет перед вами, но по-другому. И некоторые, самые серьезные вопросы, может быть, будут вас мучить еще долго, не один год, даже когда вы уже будете полными членами Церкви. Это нормально. Евангелие содержит вечные вопросы, но нужно чтобы вы именно сейчас получили удовлетворительные для вас на сегодня ответы. Но даже если вы где-то прочитали ответ или с кем-то поговорили, может быть, с авторитетными людьми, или со священниками, а внутри сердца, по совести вас этот ответ до конца не удовлетворил, не делайте вид, что вопрос снят. Все равно записывайте его, все равно приходите с такими вопросами, все равно продолжайте обращаться к Богу в молитве за помощью.

Теперь несколько слов о самой молитве. Молитва ваша может быть личной и общей, храмовой. Когда вы начинаете читать Евангелие, будет хорошо, если вы, хотя бы в самой простейшей форме, своими словами помолитесь Богу о том, чтобы Бог открыл ваш ум и сердце для уразумения слова Божьего, для уразумения Божьей истины, для познания Божьей воли и закона Божьего. Если кто-то из вас это умеет и может этим пользоваться, — замечательно. Но быть может, некоторым не сразу будет даваться такая молитва. Не стесняйтесь, не смущайтесь, все равно продолжайте углубляться в дух и смысл Евангелия. И с помощью Божьей, с помощью ваших катехизаторов вы достигнете цели, хотя бы в какой-то начальной степени.

Мы будем просить вас молиться лично каждый день. Если вы пришли к Богу, к Богу живому, то, конечно же, понимаете, что с Богом не может быть каких-то интеллектуальных, абстрактных, концептуальных отношений. Господь говорит: «Чадо, дай Мне сердце твое». И свидетельством того, что вы готовы отдать Богу свое сердце, будет ваша молитва, искренняя молитва, хотя, может быть, очень простая и краткая. Вы можете молиться (и мы вас просим это делать) каждый день в любое время, в любом месте, всякий раз, когда ваше сердце тронуто благодатью, какой-либо радостью или скорбью, когда оно перестало быть каменным, жестким, идеологизированным, настроенным сугубо утилитарно. Это очень важно. От холодного сердца молитвы не будет. Бог не может пробиться через эту каменную кору хладного и мертвого сердца.

Но здесь есть опасность другого рода. Если вы захотите, чтобы ваше сердце было живым, и трепетным, и теплым, не пользуйтесь при этом никакими искусственными приемами. Молитва — не психотренинг. И это вам нужно очень хорошо почувствовать. Молитва восходит на небеса, доходит до Бога и возвращается со своим плодом к вам, через вас она становится вашей жизнью и действием, делом Божиим. Поэтому очень важно, чтобы вы во время молитвы избегали, с одной стороны, психотренинга, самовнушения, психологической акции, а с другой, боялись бы того, что молитва ваша остановится где-то под потолком и выше не поднимется.

Увы, можно красиво молиться, красиво петь, но при этом человек может быть совершенно вне Духа Божьей благодати. Такую стилизацию мы в наше время часто видим. Включите радио, телевидение, посмотрите все эти бесконечные заставки с древнерусскими песнопениями, которые сейчас только ленивый не поет. И что же, сразу все получают благодать? Конечно, душевно это приятно, как бывает приятно старая песня, особенно после навязчивых ритмов современной популярной музыки, которые тяжело ложатся на сердце, делают человека скорее машиной, нежели человеком.

Избегайте и того, чтобы сделаться машиной. Человеку надо быть человеком даже в наш, столь механизированный, машинизированный и рационализированный век, поэтому на молитву-то и обращайтесь особенное внимание. Знайте, что если пройдет хоть один день вашей жизни без молитвы, пусть краткой, но подлинной, — день прошел впустую! Даже если вы сделали массу полезных вещей. Может быть, с точки зрения внешней, земной полезности, вы сделали много: заработали денег, или устроили свои дела, или даже помогли ближнему, но если здесь нет благодати, то это — строительство дома на песке! И он простоит лишь до первого удара, до первого грома. А как грянет гром, дом рассыплется. Итак, стройте на прочном духовном фундаменте. Устраивайте свою жизнь на твердом основании, краеугольный камень которого — Сам Христос.

Что вам может помочь в молитве? Хорошо, если у вас отзывчивое сердце, которое не знает «окамененного нечувствия». Если бы было так, то никаких проблем бы не было, и вы молились бы каждый день. Но многие из вас уже хорошо знают, что здесь есть определенные трудности, и еще долго будут. Что же может помочь? Конечно, в вашей духовной жизни должна быть сконцентрированность — усилие, умение делать выбор в пользу Бога, исполнения Его воли. Но если все-таки не все получается, и при этом не хочется прожить день впустую, выбросить его, с духовной точки зрения, вон, как соль, потерявшую силу? Что тогда вам поможет?

Во-первых, Псалтирь. Вы можете читать Псалтирь, по-славянски или по-русски, все равно. Псалтирь *очень* помогает духовно настроиться и сосредоточиться. По-славянски это будет очень молитвенно и красиво. Но не совсем понятно. По-русски это будет понятно, но, увы, не очень красиво. Перевод Псалтири на русский язык крайне непоэтичен. Он и создавался как подстрочник для домашнего чтения, поэтому требовать от него большего не нужно. На сегодняшний день есть то, что есть. В «синодальном» тексте эти недостатки столь малопоэтичного русского перевода вы будете чувствовать. В славянском переводе Библии тоже есть свои плюсы и есть известные минусы, о которых я только что сказал. Это один из самых трудных славянских текстов, со множеством мест, которые не удастся разобрать без специального филологического исследования. Так что выбирайте сами. Кроме того, здесь имеет значение тот или иной настрой. Когда человеку плохо, он не думает о том, чтобы в его действиях присутствовал какой-то смысл — он ищет скорее духа. Но если человеку уже не так плохо, он ищет не только духа, но и смысла. И вот тут приходится думать об альтернативе славянскому тексту.

Другой путь к тому, чтобы сердце ваше наполнилось благодатью, или открылось Богу и стало способным хоть на самую простую молитву своими словами, связан с доброделанием, с настраиванием себя на добро. Если хотите и можете делать добро, то в вашем сердце будет радость. Наверное, каждый из вас испытывал такую радость и даже восторг иногда от самого по видимости незначительного доброго дела. Особенно, если это произошло неожиданно. И ваше доброе дело не останется без плода своего, особенно если оно содеяно ради помощи ближнему и во славу Божию.

Есть и еще одно средство углубления вашей молитвы и жизни, или возрождения, оживления этой жизни, — храмовая молитва. Слава Богу, сейчас в Москве множество храмов, и особых

проблем с этим нет. Вы можете пойти в любой православный храм, и в Москве, и не в Москве, хотя не все храмы открыты каждый день, и не во всех храмах совершаются богослужения утром и вечером. Иногда достаточно просто войти в храм, просто побыть в храме, и уже одно это дает очень много. Хорошо, если вы начнете себя настраивать на регулярное посещение храма. Для некоторых из вас будет очень естественно и очень просто сделать этот следующий шаг в вашей духовной жизни, хотя не исключаю, что здесь есть люди, которые будут оглашаться, уже будучи научены храмовой молитве.

Храмовая молитва — это особая молитва Богу. Когда вы входите в храм, прежде всего знайте, что храмовая молитва — это не индивидуальная молитва, это молитва совместная, именно совместная соборная, а не коллективная. В храме собирается народ Божий, а не просто коллектив, по подобию комсомольского или партийного собрания. Значит, нужно научиться единодушию и единомыслию в церкви.

Вы также должны знать, что главной частью всякого богослужения в храме является молитва, приносимая священником. К сожалению, в нашей церкви это перестало быть явным. Большинство священнических молитв священники читают в алтаре и очень тихо, или вовсе про себя, так что их почти невозможно услышать народу, стоящему в храме. Даже те, кто стоят в алтаре, их слышать не могут. Очень жаль, что центральная часть православного богослужения оказалась скрытой от церкви, от большинства в ней. Хотя, слава Богу, в последние десятилетия в нашей церкви наметился определенный сдвиг к лучшему. Сейчас священнические молитвы читаются иногда настолько громко, что в небольших церквях стало возможным соучастие в этом и народа Божьего, предстоящего в храме. Но все-таки это серьезная проблема. Итак, помните, что центральная часть богослужения — это молитва, приносимая священником от лица всего народа Божьего. Священник в алтаре почти никогда не молится сам от себя. Он молится от имени всех верующих, собравшихся в храме, являясь, по древнему выражению, «устаи Церкви».

Я подробно останавливаюсь на этом потому, что, к сожалению, вольно или невольно в сознании многих людей в отношении к богослужению стал преобладать эстетизм. В храм приходят как на концерт и оценивают, например, как поет хор. Наше храмовое пение слишком стало похоже на концертное пение, независимо от того, ориентируется ли оно на партесное пение западно-европейского или знаменное древнерусского образца. Это также одна из проблем нашей церкви.

Приходя в храм, в первую очередь вы должны возносить молитву Богу. Знайте, что любая молитва в конечном счете восходит к Богу. Даже когда христиане молятся святым, Божией Матери или перед святынями, они должны помнить, что честь, воздаваемая образу, передается, восходит к Первообразу, Первореальности и что молитва только тогда молитва в полном смысле слова, когда она адресована в конечном счете Богу, нашему Небесному Отцу, а если она «застревает» где-то на полпути — это молитва несовершенная. Народное, точнее, простонародное сознание часто заражено магическим отношением к молитве и таинствам, и в результате молитва «застревает» на полпути и до Бога не доходит. Это имейте, пожалуйста, в виду.

В начале оглашения вы еще не будете понимать богослужения, ибо оно далеко не так просто, как может показаться. То есть, на самом деле, оно совсем не сложно в своем главном чине и смысле, но проявляется все это обычно в очень трудной для постижения форме. И потому не смущайтесь, что вначале вы будете многое не понимать. Присутствуйте первоначально как бы «на фоне» службы. Уловите хотя бы то, что всем вам доступно, независимо от ваших знаний и состояния. Уловите хотя бы тот дух молитвы, который есть в каждом православном храме. Это очень важно. Если вы уловите эту благодать, этот дух, если вы почувствуете, что такое молитва,

если вы настроитесь на молитву, то вы решите свои важнейшие проблемы с самого начала. В молитве вам будут раскрываться и Евангелие, и Псалтирь, и молиться вам будет легко. И даже когда придут скорби и искушения, они будут разрешаться. И всегда во славу Божию. Никакие соблазны не соблазнят вас, никакие уловки дьявольские вас не привлекут, в какой бы красивой оболочке они не были.

Что вам нужно для личной молитвы, какие пособия? Сейчас пока никаких пособий не надо, только Псалтирь. Заученные молитвы в начале духовного пути, наверное, рекомендовать вам не следует. Потому что вначале человек, как маленький ребенок, легко запоминает форму и ленится или не может вникнуть в содержание. Он начинает воспроизводить совершенно механически эту форму без всякого смысла. И тем самым попадает на дьявольскую удочку. Когда же вы будете в дальнейшем познавать смысл и Дух Божий, тогда вам будут доступны и записанные церковные, канонические молитвы.

Далее, что вам нужно для храмовой молитвы? Для начала, может быть, нужна только одна книжечка «Всенощное бдение. Литургия», с которой вы можете стоять даже во время богослужения в храме, хотя лучше читать ее дома, чтобы не отвлекаться на чтение и не отвлекать других. Хотя, повторяю, в принципе, можете стоять с ней и в храме. Я не могу вам сказать, что во всех храмах это будет принято «на ура», потому что такой традиции в нашей церкви, вообще говоря, нет. Только священник и дьякон обычно все время держат перед собой книгу, или хористы поют по книжке молитвы, или чтецы церковные читают, а в народе Божиим это, как правило, не было принято. Поэтому, чтение по книге может вызвать у кого-то недоумение, вопрос или даже какое-то подозрение, отрицание. Не бойтесь! Во-первых, ничего плохого вы не делаете. И второе, — делайте в храме все это скромно, не выделяясь, не противопоставляя себя другим. И если будете делать это так, то многие люди вокруг вас с радостью примут все, что вы сами делаете. Это также проверено многолетней практикой.

В этой книжке есть тексты основных церковных служб, русскими буквами, но по-славянски. Ее драгоценная особенность в том, что в подстрочнике даны переводы непонятных слов и выражений, откуда вы сможете постепенно брать и усваивать церковнославянскую лексику. На мой взгляд лучше, когда человек сразу воспринимает молитву так, чтобы не делать излишних дополнительных усилий на внутренний перевод текста, то есть мне представляется вполне оправданным в наших современных условиях использование уже русифицированных текстов богослужения в храме, особенно для людей, начинающих свой духовный путь. И еще совсем недавно мы сами использовали такие русифицированные тексты в нашем храме, здесь, во Владимирском соборе. Но сейчас пока мы вынуждены были отказаться от этого. Поэтому пользуйтесь, пожалуйста, перечисленными книгами. Я не могу сказать, что данные в подстрочнике переводы очень хороши. К сожалению, они весьма, весьма посредственны. Но это все же лучше, чем ничего. Других книг нет, или они малодоступны, или являются специальными изданиями для людей, уже достаточно хорошо знающих богослужение.

Однако может быть так, что иногда вам на все это не будет хватать сил, и вам захочется находиться просто в духовной стихии храмовой молитвы. Поскольку вы только еще начинаете свой духовный путь, это не страшно. Конечно, чем больше человек созревает духовно, тем настоятельнее от него требуется вхождение и в дух, т. е. в целостность духа, и в целостность смысла происходящего. Наша вера не должна быть слепой, глупой, бессмысленной. И над этим надо работать. Мы уже упоминали на первых двух встречах, что наша вера не должна быть и фанатичной, то есть лишенной любви. Вера без любви есть больная, несовершенная вера, а иногда и противная Богу. Но, повторяю, противной Богу может стать и вера без понимания. Увы, сейчас люди в силу лени своей часто об этом забывают и говорят: и не надо нам никакого понимания, это все рационализм! И конечно, они грешат против истины, так как

рационализм — это не приобщение к смыслу, а искажение духа христианской жизни.

Среди вас могут быть люди, которые с большим трудом воспринимают евангельский текст. К сожалению, я встречался с такими людьми, которым непонятен не только «синодальный» перевод, сделанный в первой половине XIX в., но даже более современный — «кассиановский». Сразу обратиться к тексту Священного писания такой человек не может. В таком случае можно брать адаптированные тексты, изложения. Сейчас есть много разных детских Библий, но там все дано слишком примитивно и пользоваться детской Библией вам все-таки не стоит. Можно взять для помощи, в том числе для прояснения реалий того времени, когда писались Евангелия, книгу о. Александра Меня «Сын Человеческий». Это полезная книга, хотя вы можете встретить немало и таких христиан, которые при одном упоминании имени о. Александра выразят явное неудовольствие. Однако не обращайтесь на это внимание. Как правило, эти люди не читали тех книг, о которых высказываются. Книга же о. Александра полезна. Конечно, нельзя ставить ее в один ряд с творениями святых отцов, но все же, это хорошее изложение евангельских событий. Вы можете взять и другие книги. Недавно вышла книга одного протестанта-англиканина Чарльза Додда «Основатель христианства». Это очень хорошая книга. Там нет ничего неправославного или антиправославного. Она, правда, требует некоторой подготовки, но написана достаточно популярно, просто, доступно для любого культурного человека. Можно рекомендовать эту книгу и православному христианину и он не получит от этого чтения никакого вреда. К сожалению, среди православных авторов ничего подходящего или лучшего мы для вас пока не найдем. Хотелось бы, чтобы православные авторы достигли такого же уровня, как книга Чарльза Додда или превзошли его, но чего нет, того нет. Будем же справедливы и благодарны по отношению к тем людям, которые дали нам эти книги и их переводы.

Мы с вами уже назвали три основных направления из четырех, которые будут главными на первом этапе оглашения: чтение Евангелия, личная молитва, храмовая молитва. А четвертое? Может быть, кто-то помнит, мы об этом уже упоминали на первых встречах. Никто мне не подскажет? Исповедь? Об исповеди я пока не говорил. Исповедь — это форма таинства Покаяния. И начинать сразу с таинства для вас сейчас опасно. Для всех оглашаемых, кроме тех, кто уже регулярно и по своей внутренней потребности причащается. А вот те, кто еще не участвует в таинствах, и оглашаются для того, чтобы подготовиться к нормальному и полному участию во всех доступных мирянам церковных таинствах. Поэтому об исповеди мы еще не говорили не могли говорить. Мы могли говорить о добродетели, но и это не совсем то, что я имею сейчас в виду. Понимаете, в добродетели есть один тонкий момент, маленькая ловушка. Человек, делающий доброе дело, с одной стороны, действительно готов радоваться добру, явлению доброты в этом мире, и это всегда хорошо. Не будем подозревать его в чем-то плохом. Но! Если человек делает добро сугубо по плану, только ради того, чтобы у него было больше радости, он иногда попадает в ловушку гордыни, считает, что он уже совсем добрый, совсем хороший, и вообще, его можно выставлять на «выставке достижений духовного хозяйства». Вы, конечно, догадываетесь, знаете, к чему это приводит.

Итак, напомним, возвращаясь к нашему вопросу, что четвертым направлением вашей духовной работы на первом этапе оглашения будет познание и исполнение воли Божией. Всякий христианин может хорошо знать Евангелие и научиться молиться, он может регулярно ходить в храм, хоть каждый день, но если при этом он не будет знать волю Божию, если он ее не полюбит и не сможет исполнять, хотя бы в ту меру, в какую он ее познает, то «грош ему цена в базарный день», будь он даже «семи пядей во лбу»! Человеку нужно познавать волю Божию и, познавая ее, исполнять. Это его внутренняя духовная работа.

Конечно, прежде всего она оборачивается для вас сейчас той же внутренней, глубокой

нравственной работой. Необходимо, чтобы наша вера и наша жизнь соответствовали друг другу. Ведь это такая простая задача! Но наверное, вы все прекрасно понимаете, что эта же задача и самая сложная. Кто-то из вас наверняка до сих пор не был членом Церкви может быть именно потому, что или он сам, или кто-то близкий не мог ему помочь решить эту задачу. Например, вера какого-то человека говорила одно, а жизнь его показывала совершенно другое. Или наоборот, человек видел перед собой порядочного, добросовестного, доброго человека, но увя, неверующего, и поэтому думал, что если можно быть добрым, не будучи членом Церкви, то зачем и ему Церковь.

Это серьезная проблема. Лучшим выходом из создавшегося положения является нахождение всестороннего соответствия между христианской верой и жизнью. Надо, чтобы наша вера входила в непосредственное соприкосновение с жизнью, не была абстрактной, отчужденной от жизни. Необходимо, чтобы наша жизнь была верной, т. е. и правильной, и праведной. Правильной и праведной! Вы уже знаете, что это не одно и то же.

Что же сейчас нам нужно для того, чтобы познавать и исполнять волю Божию? Мы, насколько я помню, уже говорили об этом. Так напомните мне, что нужно в первую очередь человеку, который хочет познавать и исполнять волю Божию?

Дела? Евангелие? Совершенно верно, любить ближнего. А еще? Знать заповеди. Что еще? Открытое сердце, то есть верующее сердце. Все это хорошо, все это правильно! А что еще? Любовь к Богу? Безусловно, но любви к Богу надо достигать. Но мы сейчас не можем исходить из того, к чему еще только стремимся. Пока не можем.

Что же в начале пути есть у вас всех? Ну, конечно, друзья мои, у всех вас есть, слава Тебе, Господи, совесть! И главным для вас будет опора именно на ваш внутренний голос — голос совести. Хотите познавать волю Божию, так слушайте голоса совести. Во-первых, слушайте его, чтобы он не умолкал, а во-вторых, чтобы исполнять все, к чему он вас призывает.

Хотя и совесть нужно все-таки проверять. Совесть иногда может, увя, промолчать, если в свое время ей заткнули рот, и она так и существует с кляпом во рту. Или же она уже подсказывает не совсем то, ведь совесть бывает и искаженной, и больной. Эти болезни совести известны людям с древних времен. Но тем не менее, совесть есть, и поэтому живите по совести. Не по одним циркулярам и спискам добродетелей и грехов, а по совести. Этого у вас никогда никто не отнимет.

Если бы совесть не была никогда больной и могла бы говорить достаточно громко, а мы бы могли ее всегда слушаться, то без всякой религии нам одного этого было бы достаточно для познания воли Божьей, закона Божьего, правды Божьей, заповедей Божьих. Было бы здесь и исполнение. Но в силу того, что, к сожалению, совесть наша не всегда здорова, иногда приходится думать и о других вещах. Поэтому что еще, кроме совести, нужно нам для познания и исполнения воли Божьей?

Вера? Я рад, что вы поставили во главу угла любовь к Богу и любовь ко Христу. Прекрасно! Замечательно! Но я хотел бы немного обобщить все это. Что еще? Любовь к ближнему. Ну, конечно! Но ведь это все заповеди, как прямое выражение воли Божией и призыв к их исполнению.

Конечно, здесь вам необходимо Священное писание, которое четко и ясно об этом говорит. Один раз на все века. И вы не случайно в подобных случаях говорите словами Священного писания. Вы же не придумали их. Вы эти слова уже где-то слышали, или читали, и запомнили, ибо они сочетались с вашим сердцем. И слава Богу! Даже если не все еще получается на

практике. Смирение тоже необходимо, и послушание, и кротость. И много, много еще чего нужно, перечислять можно было бы бесконечно! Итак, вам необходимо Писание, слово Божие, да и сама совесть — внутренний голос Божий, слово Божие внутри вас.

Мы уже говорили о Священном писании — о Библии, о Евангелии, о Псалтири. Поговорим теперь еще и о других книгах Священного писания. В первую очередь, для познания и исполнения воли Божией вы будете читать из Ветхого завета (не считая Псалтири) так называемые учительные книги, те, которые сейчас вам наиболее доступны: прежде всего, книгу Притч, «Притчи Соломона», и еще две неканонические книги в Ветхом завете, — книгу «Премудрости Иисуса, сына Сирахова» и книгу «Премудрости Соломона». Эти книги часто читаются на богослужении, но по-славянски они почти совершенно непонятны. Для того, чтобы прочесть эти три книги, вам нужна полная Библия. В ней, в списке книг звездочкой отмечены одиннадцать неканонических книг, и в том числе две книги Премудрости. Наиболее распространены сейчас Библии, которые издаются Библейскими обществами, в мягких переплетках, очень удобные для того, чтобы брать их с собой и постоянно читать. Но в них входят только канонические книги и в этом их существенный недостаток. Поэтому не пожалейте сейчас относительно малой суммы для того, чтобы один раз и на всю жизнь приобрести полную Библию. Уже к следующему разу, помимо того, что вы будете молиться и задавать вопросы по личной и храмовой молитве, вы будете читать и прояснять для себя кроме Евангелия эти три книги из числа учительных книг Ветхого завета.

Что вам еще нужно, чтобы сознавать и исполнять волю Божию? Исходя из тех реалий, которыми вы владеете, — ваш жизненный опыт: и положительный, и отрицательный. Наверное, не стоит вам, людям взрослым, пренебрегать этим опытом. Были у вас, наверняка, и грехи. Вы видели последствия грехов и среди ваших близких. Поэтому делайте выводы, чтобы не держаться пути греха. Господь показал, почему не надо быть грешным. Он не только говорит «не надо, нельзя, не делай», а всегда показывает, что происходит с теми несчастными людьми, которые не слушают Бога, из-за своих ли страстей или из-за угождения человеку, ради своих удобств и корысти. Как бы то ни было, каждый человек должен знать, почему всякий грех не должен иметь места в жизни. Не просто отрицайте зло и несправедливость. Это надо делать, но не надо смиряться со злом и несправедливостью. Бог нам этого не заповедовал. Он заповедовал терпеть в борьбе со злом, но эту борьбу продолжать вести. «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». А добро — это исполнение заповедей, исполнение воли Божьей. Может быть, это пока все, что нужно вам знать о книгах, и о том, о чем мы будем с вами говорить, начиная со следующей встречи.

Должен еще сказать вам о двух книжках, о которых не сказал в первой части, которые будут вам необходимы во время оглашения, во всяком случае желательны, а может быть даже обязательны. Первое — это книжка «О таинстве Крещения». Она пригодится для тех из вас, кто не крещен — прямо, а кто крещен — косвенно, потому что оглашение есть восполнение таинства Крещения, если оглашения не было, когда вас крестили. В этой книге вы найдете три статьи, которые будут вам полезны для того, чтобы знать, что такое Крещение, чтобы понимать, как готовиться к Крещению. Здесь есть объяснения и по форме, по его чинопоследованию. И второе — журнал «Православная община» № 3 за 1991 г., который издается Московской высшей православно-христианской школой, при которой и существует наше с вами Огласительное училище. Здесь опубликована программа нашего оглашения и краткое описание всей системы. Мы все будем ею пользоваться *, приобретайте, пожалуйста.

Прежде чем я расскажу о храме, отвечу на записки.

Вопрос. Один из московских священников сказал на занятии, что знать заповеди наизусть необязательно. Ваше мнение.

о. Георгий. Я думаю, главное исполнять заповеди. Вы можете знать какие-то заповеди наизусть, а какие-то просто прочитывать и принимать к исполнению. Какие-то знания будут требоваться и от вас, но на втором этапе.

Вопрос. «Евангелие от Толстого». Ваше отношение к нему.

о. Георгий. Евангелия от Толстого, слава Богу, не существует. Существуют евангелия от Марка, Матфея, Луки, Иоанна. Последнее вы пока читать не будете, до второго этапа. Работа Толстого над Евангелием — достаточно реалистическая вещь, но и здесь единственный положительный момент тот, что Толстой хотел, во-первых, понять то, что написано в Евангелии и, во-вторых, отнестись к этому жизненно. То, что можно исполнять, он принимал на вооружение, а что он считал невозможным исполнить вычеркивал. Но в этом слабость его работы.

Вопрос. Новые русские черносотенцы относятся к Вам своеобразно. Какие у них претензии к Вам? К Вам с большой буквы.

о. Георгий. Претензии ко мне лично — не знаю. В печати были выражены претензии разного рода, иногда очень странно-лепные и смешные. Я напечатал свой ответ в «Независимой газете», статью «Коегождо деяния обнажатся». Полный текст ответа «Русскому вестнику» был дан. Я думаю, этого достаточно. А вообще, какие-то разногласия неизбежны. Апостол Павел пишет, что «должно быть между вами разномыслиям, чтобы открылись искусные». Важно, как мы относимся к разногласиям. И может быть наше главное разногласие — в отношении к разногласию. Мы уже много лет, помня слова апостола, относимся к разногласиям достаточно спокойно и трезво, просто. А есть люди, которые пугаются каких бы то ни было разногласий, даже по букве, по форме. Они говорят: «Ах! Там где-то русифицировано богослужение и даже по-русски читают Писание. Ой! И молитвы священнические уже стали по-русски читать! Как бы это не привело к расколу в церкви!» Такая жесткая позиция, которая принимает только то, что тождественно им самим, на мой взгляд, и является главной сектантской опасностью. Секты, как известно, в первую очередь, образуются из-за этого. Всякий, знающий церковную историю, может в этом убедиться. Но нас пытаются обвинить в том, что мы делаем что-то такое, что может привести к расколу в церкви. «Как это — все по-славянски, а вы не по-славянски?» Хотя на протяжении всех веков в разных православных странах не было проблемы языка. Еще со времен Кирилла и Мефодия, наших святых учителей славянских, эти споры велись. Им не разрешали переводить Священное писание на славянский язык, оно могло существовать только по-гречески, или по-латински, или по-еврейски, и больше никак, так как эти три языка священны. А сейчас говорят: «Только по-славянски, и никак иначе». Это смешно. Люди, говорящие так, не знают истории церкви и не имеют духовного опыта. Если бы они действительно хотели понять и снять опасность раскола, они бы позаботились о многообразии проявления одного и того же Духа в Церкви. Именно когда умалется церковная свобода, тогда и возникает опасность раскола.

Было очень много напечатано на эти темы с двух сторон. Если хотите, посмотрите подшивки газет. Я не хотел затрагивать эти вопросы, но раз вы пришли в наше Огласительное училище, в наше братство и спрашиваете об этом, вы должны знать, что вы можете о нас услышать и что вам отвечать, если будут какие-то претензии и недоразумения.

Вопрос. Когда ваша община смиренно просит другие храмы разрешить совершить вам евхаристию, — это значит, что вы нищие духом?

о. Георгий. Нищие духом — значит просящие духа. Господь сказал: «Блаженны нищие духом». И если мы хоть немного нищие духом, то слава Богу. Мы оказались в тяжелом положении.

Наверное, это нормально. В истории всегда было так.

Вопрос. Как Вы относитесь к о. Серафиму (Роузу)?

о. Георгий. Да. Был такой писатель, член «карловацкой» церкви, зарубежной, с которой официальных отношений у нашей церкви нет, но есть чисто человеческие, христианские. Эта церковь придерживается очень консервативных позиций. Я выразил свое отношение к Роузу в статье, напечатанной в журнале «Православная община», в послесловии к его книге «Православие и религия будущего». Что хорошо, то хорошо — у него действительно есть ревность о чистоте Православия, о возрождении христианства на Руси. Но когда он «перегибает палку» и слишком много отрицает, — это позиция некомпетентная, не богословская. О. Серафим (Роуз) и не был богословом. Люди у нас забыли, увы что значит богословие, и на это не откликаются.

Вопрос. Как Вы лично относитесь к о. Александру Меню, и на каком языке ведутся у вас службы — на русском или на церковнославянском?

о. Георгий. Как я лично отношусь к о. Александру Меню, уже было сказано в моих проповедях после его убийства — три года назад. Я говорил о положительных и отрицательных сторонах его практики. Знал я его достаточно хорошо и высоко ценил за дар бесстрашной проповеди Евангелия, успешной проповеди. И тем не менее не считал чем-то зазорным высказывать ему критические замечания при условии, что можно было предложить нечто лучшее. Я не признаю критику, в том числе в адрес о. Александра Меня, если ничего взамен не предлагается. Вы сделайте лучше, тогда посмотрим. Вся современная критика — это мыльный пузырь, и носит неприятный оттенок. Многие критикуют людей, которые отдают всю свою жизнь Богу и работают на полный износ, сами не делая десятой доли того, что делают они. А ошибаться может каждый, и святые отцы ошибались. Это видят те, кто читал их всерьез. А тем более могли ошибаться выдающиеся деятели, но не канонизированные, как о. Александр Мень. Мы должны быть благодарны ему за то, что он сделал. А если хотим исправить ошибки — давайте сделаем хоть что-нибудь лучше него.

Сейчас у нас службы идут на церковнославянском языке. Но совсем недавно часть службы мы совершали на русифицированном, и Священное писание читали по-русски.

Задание разобраться с русским языком в церкви теперь дано Богословской комиссии при Синоде, которая недавно была образована. Пусть же церковь разберется, если такой вопрос стоит, а мы потерпим. И пока, чтобы не смущать людей, перед которыми этот вопрос стоит, будем совершать богослужения на церковнославянском. Но для оглашения это будет большой потерей. Чтение Евангелия по-русски сегодня необходимо, а также проповедь после каждого такого чтения. Но после чтения по-славянски проповедовать, увы, довольно трудно, если не невозможно.

* * *

Теперь я расскажу вам о храме. Сегодня вы все пришли в храм. Кто-то первый раз, кто-то не первый. И вот вы входите в дом Божий. То, что вы сейчас здесь на оглашении — не случайно. С древнейших времен христианства, и на протяжении многих, а не только самых первых веков, было так. Не думайте, что мы обращаемся к какой-то мифической практике самых первых веков. Нет. Существует многовековой церковный опыт. И на протяжении всех этих веков было положено совершать катехизацию при храме. Да, не всегда в храме, так как были очень большие притворы, в которых и положено было это делать. В древности почти половину храма занимал притвор, иногда больше, чем половину. В притворе и собирались оглашаемые для

научения.

Более того, очень большая часть нашего богослужения была связана с таким научением: вечерня, утренняя, часы, литургия оглашаемых, все, кроме литургии верных. Все эти службы были и, может быть, прямо связаны с оглашением, научением жизни христианской. Для этого надо было читать Писание и тут же его трактовать, чтобы это Писание не было абстракцией для оглашаемых. В древности каждый епископ это делал, и каждый пресвитер, т. е. священник, а иногда дьякон и даже чтец.

Итак, вы пришли в храм и занимаетесь тем, чем положено заниматься в храме. Вы сидите в храме, но грех это или не грех? Когда вы заходили и садились, вы вряд ли думали об этом, хотя люди более старшего возраста могли подумать, что это, может быть, грех. Знайте же, что это не грех. Были разные практики в церкви, но вообще катехизация, как и большая часть богослужения, могут проходить сидя. Никакого греха в этом нет. В древности часто было положено сидеть на богослужении. Позднее, под влиянием аскетическо-монашеской практики, эти традиции отошли на второй план или вообще исчезли. И тогда все богослужения стали совершаться стоя. Это вошло даже в какой-то образ благочестия в Православной церкви. В Западной церкви до сих пор сохраняется древний обычай — на богослужении сидеть. Правда, это делается не в катехизационных целях, или во всяком случае, до последнего времени было так.

Вы пришли и сели. Если вы в храме, это значит, что здесь совершается священнослужение. И все, что мы делаем сейчас, — это не лекция в клубе и не что-то подобное — это настоящее православное богослужение. И даже, если все мы соберемся в приходском доме (как мы будем это делать в дальнейшем), и на столе будет стоять самовар, а вы будете сидеть, пить чай и при этом мирно беседовать, но на те темы, о которых мы говорили в первой части встречи, и с церковными катехизаторами, а не вообще между собой — это будет тоже совершением богослужения. Пусть вас эти слова не смущают. В православных церквях сейчас нет общепринятой формы катехизации. Она была почти прекращена в середине XI в., вместе с переходом с детского на младенческое крещение. Как только кончилась катехизация в церкви, пусть уже и краткая — четырехнедельная, как это было на последнем ее историческом этапе, прекратилось такое представление о богослужении. Но это был солидный исторический срок — первое 1000-летие церковной истории. Просто так мы его сбросить не можем. Значит, нам приходится возрождать то традиционное православное сознание, которое было сдано в архив, а сейчас возвращается в связи с нуждами современной церковной жизни.

Если вы пришли на такое богослужение — это значит, что от вас требуется личное в нем соучастие, т. е. желание слушать то, что вам говорят, имея внутри себя благоговейное чувство или, как говорят на аскетическом языке, — страх Божий. Не дьявольский иррациональный страх, а Божий, чтобы не согрешить. Это предполагает некоторую строгость в вашем поведении, и внешнем, и внутреннем. Во внешнем это может проявляться очень просто — в вещах явных. Например, есть церковные традиции: женщине быть в платке, с покрытой головой, не в брюках. Не потому, что это смертный грех, а потому, что не принято женщине одеваться в церкви иначе. Считается, что это нескромно, а следовательно, некрасиво.

Современные светские и тем более мирские представления о красоте часто могут быть иные. Я думаю, что христианские представления, как правило, более глубокие. Посмотрим с другой точки зрения. Допустим, ваша работа (есть такие работы) требует, чтобы вы ходили на работу в джинсах. Если иначе нельзя, то ходите, но в храм вы ходите не как на работу. Джинсы — это рабочая одежда и красоты в них мало. Люди забыли о том, что это, прежде всего, рабочая одежда. Даже если она дорого стоит. Итак, в храм лучше придти одетой более скромно и торжественно. Другое дело, если вы оказались в ситуации выбора — или зайти в храм, но вы

внешне не очень для этого подготовлены, или вообще пройти мимо. Тогда, как мне кажется, лучше зайти в храм, чем пройти мимо. Но насколько от вас это зависит, а в большинстве случаев это зависит от вас, старайтесь не нарушать этих традиций, которые в нашей церкви есть. Я не буду сейчас вам рассказывать откуда они взялись, каков их смысл. Если вы захотите, то спросите об этом своих катехизаторов. Это вещи достаточно простые и периферийные, но повторяю, это пример того, что в церкви нужно держаться скромно и стараться красиво одеваться и вести себя. Красота — не просто что-то внешнее, она от Бога, будем помнить об этом. Как и доброта. Это две стороны одной медали. Красота без доброты не существует, и наоборот, доброта без красоты.

В храме обычно стоят скамеечки. Если вы сели, то лучше ногу на ногу не класть, ни мужчинам, ни женщинам. Человек вошел в храм, хочет помолиться, но по привычке сел фривольно, развалясь, разбросав пальто, сумку, только не хватает сигареты. Вот это нехорошо. К слову, христианину вообще не к лицу ни курить, ни пить, ни совершать других подобных грехов. Помните об этом. Кажется, вещи простые, элементарные, но и их надо знать. Мужчина всегда должен быть подтянут, чисто одет, без головного убора. Это знак того, что «глава мужчины — Бог», как пишет апостол Павел. Это то, что касается преимущественно внешней стороны. Итак, старайтесь в храме, как и в жизни, держаться скромно и смиренно, не выпячивать себя. Если Бог захочет вас превознести, Он Сам это сделает. Не стремитесь к тому, чтобы вам это делали люди, а тем более сами этого не делайте.

Теперь я расскажу, что как в храме называется и как вы должны к этому относиться. Первое помещение, в которое вы входите, — притвор (не путайте с приделом). Притвор находится при входе с западной стороны. Все церкви обычно ориентированы с запада на восток, более или менее точно, хотя были и есть исключения из этого правила. В нашем храме тоже есть придел — Рождества Иоанна Предтечи *. Вы с улицы могли его видеть, — это еще одна маленькая главка. Как действующий придел он пока не существует, но архитектурно оформлен.

Вы вошли в притвор. Входя, помолитесь, перекреститесь, поклонитесь на восток. И вот перед вами алтарь. Все помещение за завесой называется алтарем, хотя алтарь в собственном смысле слова — только особый стол в центре, то, что мы называем святым престолом. Это главная святыня храма. На престоле совершаются таинства, хранятся главные святыни, и потому наша благоговейная почтительность в храме прежде всего обращена к престолу. Мы можем провести невидимую линию от входа в храм к этому центру алтаря. Условно назовем ее «красной линией». Она имеет особое значение. К ней мы еще вернемся.

А пока два слова об алтаре, о центральном алтаре. Слева, с севера, есть дверь, за которой находится часть алтаря, называемая жертвенником. Там стоит еще один стол — собственно жертвенник, где совершается часть литургии, являющаяся подготовительной к литургии верных — так называемая проскомидия, т. е. принесение. А с юга есть еще одни диаконские врата, они ведут в ту часть, которая называется дьяконник. Здесь часто хранятся различные сосуды, облачения и т. д., если нет отдельного помещения — ризницы.

Вся эта стена между предалтарным возвышением, т. е. солеей, и алтарем называется иконостасом. В этом храме он огромный, каменный, уникальный по архитектуре. Слово «иконостас» означает подставку под иконы, стену для икон, к которой они прислонены. Мы открыли этот храм три года назад, никаких икон здесь, конечно, уже не было. А раньше иконостас был высокий. В 1927 г. он погиб, как и многие здания этого монастыря.

Обычно на иконостасе размещается несколько иконных чинов. Внизу — местный, далее, вверх — деисусный, т. е. чин моления, праздничный, пророческий, праотеческий и т. д.

Не должно быть смешения служений, поэтому в алтарь никто не входит, кроме тех, кто совершает священнослужение или имеет благословение, в том числе и женщины. Но вообще женщинам вход в алтарь запрещен. Это поздняя церковная традиция, сложившаяся под влиянием мусульманства в XIV-XV вв. А до этого были женские служения, которые совершались и в алтаре. Там кроме епископа, пресвитеров, дьяконов, чтецов, пономарей и т. д. были диакониссы-женщины. В церкви они просуществовали долго, около 1000 лет (а до диаконисс было даже служение пресвитерид, до IV в.). Облаченные в священные одежды, все они причащались в алтаре перед престолом. Впрочем, и в наше время есть стремление в большинстве православных церквей мира возродить служение диаконисс. В начале века были рукоположенные диакониссы, были и их обители, в том числе в Русской церкви, но события XX в. не позволили продолжить эту работу.

Возвышение, на котором я стою, как уже упоминалось, называется солеей, и на нее также никто не должен восходить без особой на то надобности. Солея — место священное, и в древности очень строго соблюдалось правило, чтобы никто не поднимался на нее, потому что на солее совершались служения. По бокам солеи расположены правый и левый клиросы, т. е. места для хора. Перед центральными, царскими воротами находится амвон. В древности амвон доходил до центра храма и заканчивался большой кафедрой. С амвона читалось Писание и произносилась проповедь. В наше время это уже почти символический выступ. В этом храме амвон еще не восстановили. Вы можете подняться на солею только для того, чтобы, например, поставить свечку, приложиться к иконе, и надо сразу уйти. Стоять на солее не принято.

Что еще должно быть в храме? На стенах — иконы, перед ними — подсвечники и лампы, сбоку стоит столик для заупокойных поминовений, куда приносят приношения, если хотят помолиться за упокой. Если человек что-то туда принес, обычно не принято это брать обратно, ибо это пожертвование Богу, на храм, для клира. Но кутью (рис с изюмом) можно взять, чтобы сразу же раздать собравшимся в храме знакомым и незнакомым в знак благодарности и как напоминание о молитве за усопшего человека. Для этого и существует этот особый стол, канун, в центре которого ставится Голгофа, — Распятие с предстоящими, — Богородицей и апостолом Иоанном. Это и есть место для свечей и приношений за упокой.

Та часть, где продаются свечи, кресты, книги, и т. п., называется «ящик». Не очень красивое название, но оно есть.

В центре храма под паникадиллом (люстрой) стоит аналой с иконами, а перед ними — подсвечник. Как раз на той самой упоминавшейся уже «красной линии». Если вы эту линию пересекаете, то положено всем верующим остановиться, повернуться на восток, перекреститься, помолиться и поклониться. Если стоит икона и перед ней подсвечник, то нехорошо ходить между иконой и подсвечником. Вы сами понимаете, что подсвечник стоит перед иконой, а не перед вами. К центральной иконе обычно прикладываются входящие в храм. Если вы встанете между подсвечником и иконой, то это будет нескромно, а для них — неудобно. Старайтесь не пересекать без крайней нужды «красную линию». Старайтесь соблюдать тишину. В храме это важно — вы не одни. Люди приходят в храм для молитвы, им нужно сосредоточиться, не всегда у них все хорошо. Нельзя об этом забывать. Приходят в храм принести Богу благодарственную, радостную молитву, но также молятся и за другие свои нужды, если нет общего богослужения. А если есть, то люди приносят одну для всех молитву, которую возглавляет священник.

Надо знать, как подходить к священнику, как его приветствовать. Это просто, но люди иногда этого не знают и теряются. Есть простейший ритуал. Если вам подойти к священнику, или ему к вам обратиться, то не надо кричать на расстоянии, а надо подойдя, первое, что сделать — попросить благословения. Священник о вас помолится, благословит вас. Так же надо поступать,

когда вы расстаетесь со священником. Дьякон благословения не дает.

* * *

Вопрос. Кто проводит богослужения в церкви?

о. Георгий. Священник, хотя правильнее будет сказать «пресвитер», т. е. в переводе на русский язык — старший, старейшина, или епископ, что означает блюститель, надзиратель. В русском языке слово «надзиратель» звучит грубовато, поэтому мы используем его синоним — блюститель. К епископам относятся и другие подобные чины — архиепископы, митрополиты, патриарх. Титул и имя правящего епископа Москвы — Его Святейшество, Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй.

Вопрос. Как подойти под благословение?

о. Георгий. Это просто. Вы подходите, складываете руки вот так, лодочкой, правую ладошку на левую, и говорите: «Благословите!» Священник благословляет крестом: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа», кладет руку вам на руки, вы целуете руку, и все. Иногда более полным чином, более торжественно: целуете руку, щеку и опять руку, — если подходит к священнику мужчина. Если — женщина, то только руку. Иногда священник по каким-то причинам не дает целовать руку. Это возможно, но полный чин таков.

Вопрос. Как поставить свечку?

о. Георгий. Это тоже вещь простейшая, но если человек не знает, то лучше объяснить. Когда кто-то берет свечку, пусть зажигает сначала фитилечек, потом немного расплавляет на огоньке другой свечи конец своей свечки, чтобы она могла прилепиться к подсвечнику. Расплавил и быстро поставил в гнездышко. Она сама прилепляется, и не надо ее подправлять. После этого помолитесь, приложитесь к иконе и отойдите. Иногда же делают такие странные движения: зажгут свечку, потом пытаются накапать воск в лунку и так далее.

Вообще, повторяю, в храме требуется одно — память о том, что центральная святыня — это престол. Значит, когда вы уходите из храма, не надо останавливаться, стоя спиной к престолу. Это считается таким же неблагоговением, неуважением, как если бы вы разговаривали с другом и повернулись к нему спиной. Это вызвало бы у собеседника по меньшей мере недоумение. Даже боком к престолу стоять нехорошо, кроме каких-то оправданных случаев. Конечно, когда вы выходите из храма, вы невольно идете с востока на запад, но останавливаться, повторяю, не надо. Вот, собственно, и все.

Итак, если у вас есть благоговение, если вы соблюдаете молитвенную тишину, если вы не нарушаете молитвы других, сохраняете «красную линию», не становитесь на солею без нужды, то все в порядке. И на амвон вам вступать нельзя никак. Если вы находитесь на одной стороне солеи и хотите перейти на другую сторону, к другой иконе, то проходить по солее мимо царских врат тоже нельзя. Вам нужно обязательно спуститься, обойти центральный подсвечник и только тогда пройти. Вообще, на амвон вступают только те, кто имеет в церкви право проповедовать, ведь амвон предназначен для проповеди. Все остальные его не пересекают, на него не становятся даже, если нужно пройти быстро. Об этом тоже не забывайте, иначе вы можете попасть в неприятное положение.

И еще, простите, одна деталь. Я понимаю, что женщины по-разному себя украшают, но все-таки, если женщина идет в храм, то хорошо, чтобы губы ее не были накрашены. Потому что прикладываясь к иконе, кресту, или тем более причащаясь, сами понимаете, нехорошо на

церковной лжице или на плате или даже на стекле иконы (не говоря о самой иконе) оставлять след помады. Кроме того, что пятна от помады трудно очищаются, у вас же самих это вызовет неприятное чувство. Всегда помните о других. Вообще, украшение человека на самом деле в другом, в духе. Я думаю, что вы меня понимаете. Как при посещении храма одеваться необходимо скромно и просто, точно так же простым и естественным должно быть и ваше поведение в храме.

Относительно таинств я уже сегодня говорил, что в них продолжают участвовать только те, кто участвовал в них до начала оглашения регулярно и по велению сердца. Если человек прежде, повторяю, по велению сердца, а не просто по внешнему послушанию и без всякого внутреннего желания, причащался и исповедовался, то пусть продолжает причащаться и исповедоваться. Хотя, должен признаться вам, что обычно мы стараемся не брать таких людей. Почему? Потому, что если человек регулярно причащается, значит, у него может быть духовный отец. Какой смысл братья за научение человека, которого может научить другой? Если же человеку некому помочь, тогда другое дело. Если мы начнем братья за оглашение всех тех, кто никогда не оглашался (хотя в принципе все верующие должны были бы пройти этот период научения христианской вере и жизни), то мы просто потонем, потому, что в нашей церкви оглашенных пока еще мало. Поэтому, коль скоро вы регулярно причащаетесь, сперва возьмите благословение ваших духовников, если таковые у вас есть, на оглашение в нашем Огласительном училище. Повторяю, это обязательно только для тех, кто, имея духовника, регулярно причащается и будет причащаться во время оглашения, чтобы не было потом какого-то недоразумения.

Я говорил сегодня и о том, что вы можете участвовать в богослужении. Можете совершать крестное знамение и т. д. Если вы пришли на литургию, и уже начинаете что-то воспринимать из того, что происходит, понимать какие-то слова, то вы обнаружите, что после первой части литургии — литургии оглашаемых, произносятся слова, обращенные к вам, оглашаемым: «Помолитесь, оглашеннии, Господеви!». То есть — оглашаемые, помолитесь Господу. Это обращение именно к вам. И тогда в ответ вы поете: «Господи, помилуй!» Во всяком случае в нашем храме всегда так. В других храмах бывает по-разному. Если там нет оглашаемых, то поет хор, отвечая вместо них. Но у нас всегда много оглашаемых, и поэтому у нас нет никакой нужды, чтобы хор пел вместо оглашаемых, и вы сами поете: «Господи, помилуй!» Потом дьякон или священник обращается уже к верным, к полным членам Церкви: «Вернии, о оглашенных помолимся, да Господь помилует их. Огласит их словом истины. Откроет им Евангелие правды. Соединит их со святей Своей соборней и апостольстей Церковью», и так далее. Несколько таких прошений о вас. И это очень ценно. За вас молится Церковь. Но когда Церковь так молится, все верные, молчите, этих слов не произносите: «Господи, помилуй!» Потом снова обращение: «Оглашеннии, главы ваша Господеви преклоните». То есть, приклоните головы ваши пред Господом. И вы не только внутренне, в духе, преклонитесь пред Ним, но и внешне, физически склоните голову. После этого читается молитва священника за оглашаемых, которая заканчивается возгласом: «Да и тии с нами славят пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно и во веки веков». То есть: «Да и они с нами восславят вседостойное и прекрасное имя Отца и Сына и Святого Духа ныне, всегда и вовеки». Вы отвечаете: «Аминь», что значит — истинно, да будет так. Потом следует возглас: «Изыдите, оглашеннии, изыдите!» Вы тихонечко поворачиваетесь и благоговейно, без шума, без разговоров покидаете храм. Если к вам обращаются: «Изыдите, оглашеннии, изыдите!», вы, если не причащаетесь, уходите. Даже если вам очень хочется остаться в храме. Повторяю, за исключением тех, кто причащается.

И последнее. На всех службах, на которых вы присутствуете, вы можете подпевать хору.

Сейчас я прочту одну краткую молитву для тех, кто начинает оглашение. Это древняя церковная молитва именно для таких, как вы. А потом распределимся по группам по 20 человек, и уже в следующий раз вы встретитесь в своих группах.

Встаньте!

Господу помолимся! Во Имя Отца и Сына и Святого Духа!

Благословен Ты, Господи Боже, Отче Господа нашего Иисуса Христа, Который ото всех народов избирает Себе народ особенный, ревнителей добрых дел! Ты пришедших ко святой Твоей Церкви, рабов Твоих сих благослови, и открой им очи к разумению дивных чудес Твоих, открой им уши к слышанию божественных словес Твоих, присоедини их к оглашаемому народу Твоего, да во время благоприятное удостоятся возрождения и одежды нетления. Ты, Владыко Всесвятый, послал миру святое Слово Твое, дабы наполнить всех благоразумием Твоим, Ты изъял души рабов Твоих от лукавого, Ты и просвети их, и наставь на освящение Христа Твоего, и не разреши никакому лукавому духу иметь еще в них жилище! Ибо Ты Единый Избавитель рода человеческого и Тебе славу и благодарение приносим, ныне, всегда и вовеки.

Аминь!

v

[1] Начало публикаций см. в журнале «Православная община» № 4–6 за 1994 г. и № 1 за 1995 г.

Протопресвитер Александр Шмеман: Богослужение в секулярный век

Богословие и философия

«Tout est ailleurs»[2]

Julien Green

1.

Сама постановка рядом — для их соотнесения — понятий «богослужение» и «секулярный век» предполагает, что мы хорошо понимаем каждое из них и ту реальность, которая за ними стоит, и поэтому будем строить наши рассуждения на твердой основе. Но так ли это? Я начинаю свой доклад с вопроса, поскольку убежден, что, несмотря на всеобщий интерес к семантике, существует большая неясность относительно точного значения понятий, которые мы собираемся обсуждать.

Не только среди христиан в целом, но даже среди православных нет единого понимания, общей системы представлений в отношении и богослужения, и секуляризма, а тем более проблемы их соотношения. Мой доклад, главным образом, является попыткой не столько решить проблему, сколько прояснить ее и сделать это, по возможности, в рамках православного учения. Мне кажется, что православные в обсуждении злободневных проблем слишком легко заимствуют их западные формулировки, как будто они не понимают, что в православной традиции существует прежде всего возможность, а значит, и необходимость переформулировки этих проблем, помещения их в контекст, отсутствие или деформация которого в западном сознании могла

послужить причиной такого количества современных «тупиков». И, по-моему, эта задача нигде так не насущна, как в кругу проблем, связанных с секуляризмом, а точнее — с нашим так называемым секулярным веком.

2.

Секуляризм за последние годы анализировали, описывали и определяли всевозможными способами, но, насколько мне известно, ни один из них не акцентирует момент, который я считаю принципиальным и который, как ничто другое, раскрывает истинную природу секуляризма и, следовательно, может задать нашему исследованию нужное направление.

Секуляризм, на мой взгляд, — это прежде всего отрицание поклонения. Подчеркиваю: не существования Бога, не какой-либо трансцендентной реальности и, следовательно, не той или иной религии. Если секуляризм, с точки зрения богословия, является ересью, то в основном это ересь по отношению к человеку. Это отрицание человека как существа поклоняющегося — homo adorans, того, для кого поклонение — это основной акт, который определяет его человеческую природу и осуществляет ее. Это принципиальное онтологическое и эпистемологическое отрицание слов, которые «всегда, везде и для всех» были подлинным откровением об отношении человека к Богу, к миру и к самому себе: «Достойно и праведно Тебя воспевать, Тебя благословлять, Тебя хвалить, Тебя благодарить, Тебе поклоняться на всяком месте владычества Твоего...»

Конечно, такое определение секуляризма нуждается в пояснениях, так как очевидно, что оно сегодня не может быть принято многими, кто сознательно или бессознательно сводит христианство к интеллектуальным («будущее веры») или социо-этическим («христианское служение миру») категориям и поэтому думают, что можно не только приспособить друг к другу, но даже установить глубокую гармонию между «секулярным веком», с одной стороны, и поклонением, с другой. Если сторонники того, что по существу является принятием христианством секуляризма, правы, тогда от нас требуется только найти способ сделать поклонение более приемлемым, более «значимым» для секулярного мировоззрения современного человека. И таково, действительно, направление, которого сегодня придерживаются большинство реформаторов богослужения. Они стремятся найти такие формы и содержание богослужения, которые отвечали бы нуждам и чаяниям человека с секулярным сознанием или, лучше сказать, секуляризму как таковому, потому что, еще раз подчеркну, секуляризм ни в коей мере не то же самое, что атеизм, и, как это ни парадоксально, в нем всегда можно было увидеть особое стремление к «литургическому» самовыражению. Однако если мое определение верно, то это исследование теряет всякий смысл и упирается в тупик. Тогда в самой теме — богослужение в секулярный век — обнаруживается внутреннее противоречие, которое требует пересмотра всей проблемы и ее полной переформулировки.

3.

Чтобы доказать, что мое определение секуляризма (отрицание поклонения) правильно, я должен остановиться на двух моментах. Один касается поклонения: следует показать, что само понятие поклонения включает в себе идею об определенном отношении человека не только к Богу, но и к миру. Другой связан с секуляризмом: нужно доказать, что секуляризм эксплицитно или имплицитно отрицает именно эту идею поклонения.

Сначала рассмотрим поклонение. Парадоксально, но и, как мне кажется, довольно показательным для современного состояния нашего богословия, что основное «доказательство» здесь мы находим не у богословов, а в Religionswissenschaft (науке о религии), в то время как теологи в истории и феноменологии религий практически игнорируют научное рассмотрение

форм и содержания поклонения. Religionswissenschaft же, еще будучи в стадии формирования, когда у нее был сильный антихристианский уклон, знала о природе и смысле поклонения больше, чем богословы, которые сводили таинства к категориям «формы» и «вещества», «причинности» и «действительности», по существу исключая литургическую традицию из своих богословских рассуждений.

Однако совершенно очевидно, что если богослужение вообще и христианскую литургию в частности рассматривать в свете этой на сегодня методологически зрелой феноменологии религии, то мы должны будем признать, что принцип, который лежит в их основе и определяет их развитие — это сакраментальный характер мира и места человека в мире.

«Сакраментальный» здесь означает, что глубинная (the basic and primordial) интуиция, которая не только находит свое выражение в богослужении, но благодаря которой все богослужение становится «феноменом» — и актом, и процессом, свидетельствует, что мир как вселенная в целом или как жизнь в ее развитии в историческом времени является откровением о Боге, средством явления Его присутствия и силы. Иными словами, он не только утверждает (posits) идею Бога как рационально объяснимую причину своего существования, но свидетельствует о Нем и является основным средством Богопознания и Богообщения, и в этом состоит его истинная природа и единственное назначение. Но тогда богослужение — это действительно основной акт, и человек действительно является существом поклоняющимся, потому что только в богослужении человек имеет источник и возможность получения того знания, которое является причастием, и того причастия, которое исполнено совершенного знания — знания Бога и потому знания мира, причастия Богу и потому всему сущему. Итак, само понятие поклонения основано на интуиции и опыте мира как откровения о Боге, и мир в поклонении раскрывает свою истинную природу и призвание как таинство.

А надо ли напоминать об этих вещах, таких очевидных, таких «само собой разумеющихся», что они почти не упоминаются в наших высоконаучных эпистемологиях и полностью игнорируются в дискуссиях о «герменевтике», но от которых непосредственно зависит само наше существование как Церкви, как нового творения, как народа Божьего и храма Духа Святого? Нам нужны вода, и масло, хлеб и вино, чтобы быть сопричастными Богу и познавать его. В то же время — и это следует если не из современных богословских трудов, то из самого богослужения — именно это причастие Богу посредством вещества обнаруживает истинное значение вещества, то есть самого мира. Мы можем служить только во времени, но именно служение в конечном счете не только открывает смысл времени, но поистине обновляет его. Не может быть служения без участия тела, без слов и молчания, света и темноты, движения и покоя, но только в служении и благодаря ему все эти основные проявления человека в его отношении к миру получают свое конечное осмысление, обретая высший и глубинный смысл.

Таким образом, понятие «сакраментальный» значит, что для мира быть средством поклонения и благодарения — это не что-то случайное, а то, что раскрывает его смысл, восстанавливает его суть и исполняет его назначение. Именно «естественная таинственность» мира находит свое выражение в богослужении и делает его основным е[ггон (дело — прим. пер.) человека, основой и источником его жизни и самовыражения. Будучи откровением о Боге, поклонение тем самым является откровением о мире, будучи общением с Богом, оно есть единственно истинное общение с миром, будучи познанием Бога, оно является вершиной человеческого знания.

4.

Прежде чем перейти к следующему моменту — секуляризму как отрицанию богослужения, необходимо сделать одно замечание. Я упомянул ранее Religionswissenschaft потому, что она

предлагает на своем уровне понимания и согласно своим принципам такое истолкование природы и смысла не только христианского богослужения, но богослужения вообще, богослужения как изначального и универсального явления. Христианский богослов, однако, должен, по-моему, признать, что это особенно верно по отношению к христианской литургии, уникальность которой происходит от веры в воплощение, от великой и всеобъемлющей тайны «Слова, Которое стало плотью». Для нас очень важно помнить, что уникальность, новизна христианского богослужения состоит в том, что оно не имеет никакой преемственности с богослужением вообще, как пытались доказать некоторые не в меру усердные апологеты, когда Religionswissenschaft просто сводила христианство и его богослужение к языческим культовым мистериям, а в том, что во Христе эта преемственность исполняется и получает свой высший и поистине новый смысл, так что оно доводит все «естественное» поклонение до своего конца. Христос — исполнение поклонения как хвалы и молитвы, благодарения и жертвы, причастия и познания, потому что Он являет Собой высшее откровение о человеке как о существе поклоняющемся, полноту Божественного откровения и присутствия посредством этого мира. Он истинное и совершенное Таинство, потому что Он исполняет «таинственность» как первооснову мира.

Если, однако, эта преемственность христианского богослужения с человеческим поклонением вообще включает в себя не менее важный принцип прерывности, если христианское поклонение, будучи исполнением и пределом всякого поклонения, является в то же время и началом, принципиально новым поклонением, то это не из-за какой-то онтологической невозможности для мира быть таинством Христа, но из-за того, что мир отверг Христа, распяв Его, и, совершив это, отверг свое предназначение и его исполнение. Поэтому, если в основе христианского поклонения лежит вера в Воплощение, его истинное содержание всегда — Крест и Воскресение. Благодаря им новая жизнь во Христе, воплотившемся Господе, «сокрыта со Христом в Боге» и становится жизнью «не от мира сего». Мир, который отверг Христа, должен сам умереть в человеке, чтобы снова стать средством общения и участия в той жизни, которая воссияла из могилы, в Царстве «не от мира сего», которое для этого мира еще должно настать.

И тогда хлеб и вино — пища, вещество, самый символ этого мира, и потому содержание нашего «приношения» (prosphora) Богу — для того, чтобы быть претворенными в Тело и Кровь Христовы и стать причастием Его Царству, должны в анафоре быть вознесены, отделены от этого мира. И только когда Церковь в Евхаристии оставляет этот мир и восходит к Христовой трапезе в Его Царстве, она видит и возвещает, что «небо и земля полны славы Его» и что Бог все наполняет Собою. И все же еще раз отмечу, что этот разрыв, видение всего в новом свете, возможен только потому, что в его основе лежит преемственность, а не отрицание, потому что Дух Святой все обновляет, а не создает все новое. Христианское богослужение — всегда воспоминание о Христе во плоти, и именно поэтому оно становится воспоминанием, то есть ожиданием и предвосхищением Его Царства. Именно потому, что литургия Церкви космична, то есть объемлет во Христе все творение, и потому, что она всегда исторична, то есть объемлет во Христе все время, она также может быть и эсхатологична, то есть в ней мы становимся истинными наследниками будущего Царства.

Такова идея отношения человека к миру, заключенная в понятии «поклонение». Поклонение по определению и в жизни (by definition & act) — это реальность с космическим, историческим и эсхатологическим измерениями, и следовательно, оно является выражением не только чистого благочестия, но и всеохватывающего мировоззрения. И те немногие, кто взял на себя труд изучения поклонения как такового и христианского поклонения в частности, наверняка согласятся, что по крайней мере на уровне истории и феноменологии такое понимание поклонения подтверждается объективно. Поэтому если сегодня люди принимают за

поклонение дела, замыслы, предприятия, которые на самом деле не имеют ничего общего с нашим пониманием поклонения, то в этом виновато глубокое смещение смыслов, характерное для нашего смутного времени.

5.

Перейдем ко второму положению. Секуляризм, как я уже говорил, это прежде всего отрицание поклонения. В самом деле, если верно то, что мы сказали о поклонении, то не так же ли верно и то, что секуляризм состоит в отрицании, явном или неявном, именно той идеи о мире и человеке, передать которую и является целью поклонения? Более того, это отрицание лежит в самой основе секуляризма, является его отличительным признаком, но, как я уже сказал, секуляризм — это ни в коем случае не то же самое, что атеизм. Современный секулярист довольно часто принимает идею Бога. В то же время он подчеркнуто отрицательно относится именно к сакраментальности человека и мира. Секулярист считает, что мир в себе самом содержит свой смысл и принципы познания и действия. Он может приписывать Богу смысл и происхождение мира и законы, которые им управляют. Он даже может спокойно признать возможность Божественного вмешательства в существование мира. Он может верить в жизнь после смерти и в бессмертие души. Он может связывать с Богом свои стремления к высшему, например, к справедливому обществу, свободе и равенству всех людей. Другими словами, он может относить свой секуляризм к Богу и делать его «религиозным» — включать его в эkkлезиологические программы и экуменические проекты, делать темой церковных соборов и предметом исследования в «богословии». Все это ничего не меняет в его принципиально секулярном понимании человека и мира, в мире, понимаемом, постигаемом и осуществляемом по своим имманентным законам для своей имманентной цели. Это ничего не меняет в его фундаментальном отрицании откровения, изначальной интуиции, что все в этом мире и сам мир не только имеют где-то в ином мире причину и законы своего существования, но сами являются выражением и присутствием этого иного мира, и это составляет жизнь их жизни, так что в отрыве от этого откровения все становится лишь тьмой, абсурдом и смертью.

И нигде эта суть секуляризма как отрицания поклонения не раскрыта лучше, чем в его отношении к богослужению, потому что, как это ни парадоксально, секулярист в каком-то смысле просто одержим идеей богослужения. Массонство — высшая точка религиозного секуляризма на Западе — почти целиком состоит из тщательно продуманных церемоний, насыщенных символами. Современный проповедник идеи секулярного города Гарвей Кокс считал, что за его первым бестселлером должна последовать книга о службе. Службы сегодня на самом деле в большой моде. Причины для этого на первый взгляд необычного явления очень просты. Они не только не противоречат, но, наоборот, подтверждают мою теорию, потому что, с одной стороны, это явление показывает, что человек, какова бы ни была степень его секуляризма или атеизма, остается по природе существом поклоняющимся, вечно тоскующим по ритуалам и обрядам вне зависимости от того, насколько пустой и искусственный эрзац ему предлагается. С другой стороны, показывая неспособность секуляризма создать истинное поклонение, это явление доказывает полную и трагическую несовместимость секуляризма с основами христианского мировоззрения.

Эта неспособность видна прежде всего в самом подходе секуляризма к богослужению, в его убеждении, что богослужение, как и все остальное на свете, может быть рассудочным построением, результатом планирования, обмена мнениями и дискуссий. Довольно типичный показатель этого — очень модные сейчас дискуссии о новых символах, как будто символы могут быть, образно говоря, «произведены», созданы путем коллективных обсуждений. Все дело в том, что секулярист по своей природе не способен видеть в символах что-то еще, кроме «аудио-визуальных средств» для передачи идей. Прошлой зимой группа студентов и

преподавателей из одной очень известной семинарии целый семестр «разрабатывала» «литургию» на темы «Экология» и «Наводнение в Пакистане». Конечно, с самыми добрыми намерениями. Проблема в том, что они ошибочно считают, что традиционное богослужение не может иметь ничего общего с этими темами и ему нечего о них сказать и что если какая-то тема не звучит на литургии или даже не поставлена в ее центр, то она находится вне духовного воздействия литургической практики. Современный секулярист очень увлечен понятиями типа «символизм», «таинство», «преображение», «служба» — всем набором культовой терминологии. Однако он не понимает, что то, как он ими пользуется, говорит о смерти символа и распаде таинства. И не понимает он этого, потому что его отрицание таинственности мира и человека сводит его понимание символов только к иллюстрациям идей и концепций, которыми они ни в коем случае не являются. Мы не можем служить идеям или концепциям, будь то мир, правда или даже Бог. Евхаристия — это не символ братского общения, единения или любого другого состояния, как бы желательно оно ни было. Бодрствование или пост, конечно, символичны: они свидетельствуют (*express, manifest, fulfill*) о Церкви как об ожидании, они сами являются этим ожиданием и приуготовлением. Делать их символами политического протеста или идеологического лозунга, использовать их для того, что не является их целью, думать, что литургические символы можно использовать произвольно — значит предвещать конец богослужения, несмотря на очевидный успех и популярность этих опытов.

Каждому, кто хоть однажды пережил опыт подлинного поклонения, сразу становится ясно, что все это только эрзац. Он знает, что секуляристское поклонение здравому смыслу просто несопоставимо с истинным значением поклонения. И именно здесь, в этом полном литургическом провале, ужасные последствия которого мы только начинаем замечать, особенно видна религиозная пустота и, не побоюсь сказать, абсолютно антихристианская сущность секуляризма.

6.

Значит ли это, что наша тема «богослужение в секулярный век» тем самым снимается? Значит ли это, что нам, православным, в это секулярное время не остается ничего другого, кроме как исполнять по воскресеньям наши красивые древние обряды, а с понедельника по субботу спокойно жить секуляризованной жизнью, которая не имеет ничего общего с этими обрядами? Ответом на этот вопрос будет твердое «нет». Я уверен: принять такое «мирное сосуществование» [3], что одобряется сегодня многими христианами, казалось бы, из лучших побуждений — значит не только предать нашу веру, но и допустить, что рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, будет разрушено именно то, что мы хотим сохранить и преумножить. Больше того, я уверен, что такое разрушение уже началось, но только оно тщательно скрывается за надежными стенами наших церковных учреждений (как всегда занятых отстаиванием своих древних прав и привилегий и обвиняющих друг друга в неканоничности) и замалчивается вполне довольными жизнью священниками и фарисейским благочестием.

Нам надо прежде всего понять, что эта проблема осложняется одним моментом, который наши благонамеренные консерваторы не хотят осознать, несмотря на все их неприятие секуляризма. Речь идет об очень тесной связи между секуляризмом — его возникновением и развитием — и христианством. Секуляризм, и мы должны еще и еще раз это подчеркнуть, — это пасынок христианства, так же как и, при внимательном рассмотрении, все секулярные идеологии, которые сегодня господствуют в мире. Не законное дитя, как заявляют западные приверженцы принятия христианством секуляризма, но ересь. Ересь, однако, — это всегда искажение, преувеличение и потому повреждение в своей основе чего-то истинного, настаивание на своем выборе (*airesis* — по-гречески «выбор»), на одном элементе за счет других, нарушение

кафоличности Истины. Но тогда ересь — это всегда и вопрос, обращенный к Церкви, который требует напряжения христианской мысли и сознания в поисках ответа. Легко обвинить в ереси. Значительно труднее определить вопрос, который в ней содержится, и удовлетворительно на него ответить. Но именно таковым было всегда отношение Церкви к ересям — они всегда пробуждали творческую активность Церкви так, что обвинение в конце концов становилось расширением и углублением христианской веры. В борьбе с арианством св. Афанасий Александрийский отстаивал понятие «единосущный», которое ранее, в другом богословском контексте, было объявлено еретическим. Это встретило яростную оппозицию не только у ариан, но и у «консерваторов», которые увидели в св. Афанасии новатора и «модерниста». В конце концов, однако, стало ясно, что это он спас православие, а слепые «консерваторы» сознательно или нет помогали арианам. Итак, если секуляризм является величайшей ересью нашего времени, в чем я убежден, то от Церкви требуется не просто анафема и, разумеется, не компромиссы, а стремление понять, и тогда его в конце концов можно будет преодолеть при помощи истины.

Уникальность секуляризма, его отличие от великих ересей эпохи отцов состоит в том, что они были вызваны расхождениями между христианством и эллинизмом, в то время как секуляризм является результатом ослабления самого христианства, его глубоких внутренних метаморфоз. Недостаток времени не дает мне возможности остановиться на этом более подробно. Поэтому я ограничусь одним символическим примером, имеющим прямое отношение к нашей теме [4]. В конце XII в. латинский богослов Беренгарий Турский был обвинен за свое учение о Евхаристии. Он утверждал, что поскольку присутствие Христа в элементах Евхаристии мистическое или символическое, оно не реально. Латеранский собор, который осудил его, просто перевернул формулировку, и в этом, по-моему, вся проблема. Он объявил, что так как присутствие Христа на Евхаристии реально, оно не мистическое. Решающим здесь является разъединение и противопоставление двух понятий — *verum* и *mystice*, то, что обе стороны считают их взаимоисключающими. Таким образом, западное богословие объявило, что мистическое и символическое не является реальным, а то, что реально, — не символично. Это было, по существу, крушением фундаментальной христианской мистериальности, антиномичного сочетания реальности символа и символичности реальности. Это было крушением фундаментального христианского понимания творения с точки зрения его онтологической сакраментальности (таинственности). С тех пор христианская мысль, в схоластике и после, всегда противопоставляла эти понятия и явно или не явно отрицала символический реализм и реалистический символизм христианского мировоззрения. «Если бы Бога не было» — эта формула придумана не Бонхеффером или каким-то другим современным приверженцем «безрелигиозного христианства». Она уже заложена в томизме с его эпистемологическим различием *causa prima* и *causae secundae*. Здесь подлинный источник секуляризма, который в конечном счете есть не что иное, как утверждение автономии мира, его самодостаточности с точки зрения разума, знаний и деятельности. В результате «падения» христианского символизма дихотомия «естественное — сверхъестественное» стала основой христианской мысли и опыта. И соотнесены ли как-то эти понятия по *analogia entis* (подобие бытия — прим. пер.), как в латинском богословии, или такая аналогия полностью отрицается, как в бартианизме, в конечном счете не имеет значения. И там, и там мир больше не является «естественным» таинством Бога, и сверхъестественное таинство теряет связь с этим миром.

Но не будем заблуждаться. Эта западная теологическая формула (*framework*) была, по существу, принята и православным Востоком, и с конца эпохи патристики наше богословие становится гораздо более западным, чем восточным. Если секуляризм можно назвать западной ересью, непосредственным следствием главного западного «уклонения», то наше собственное схоластическое богословие также было пронизано им на протяжении веков, несмотря на резкую критику Рима и папизма. И парадоксально, но далеко не случайно, что психологически

самые западные среди современных православных — именно ультраконсервативное правое крыло в православии, чье мышление, с одной стороны, законническое и формализованное, а с другой стороны, определяется этими самыми дихотомиями, введение которых в христианскую мысль было «первородным грехом» Запада. Как только эти дихотомии усвоены, уже неважно, с точки зрения богословия, принимается ли мир, как, например, в западном секулярном христианстве, или отвергается, как у крайне правых православных проповедников конца света. Оптимизм одних и пессимизм других — это, по существу, две стороны одной медали. И отрицание природной сакраментальности мира, и радикальное противопоставление естественного и сверхъестественного делают мир закрытым для благодати и в конечном итоге приводят к секуляризму. И именно в этом духовном и психологическом контексте проблема соотношения поклонения и современного секуляризма приобретает свою истинную значимость.

7.

Очевидно, что находящееся под сильным западным влиянием богословие, безусловно, воздействует на богослужение или, точнее, на его теорию и практику, и на то, что я называю литургическим благочестием [5]. И происходит это воздействие потому, что оно удовлетворяет большое желание человека иметь законническую религию, которая осуществляла бы его потребность и в священном — в божественных санкциях и гарантиях, и в профанном — то есть чтобы она защищала его обычную мирскую жизнь от по существу постоянного вызова и абсолютных требований со стороны Бога. Это был возврат к такой религии, которая гарантирует, посредством регулярных сообщений со «священным», чистую совесть и безопасность жизни, а заодно и неплохое положение в «той жизни», к религии, которую Христос опровергал каждым словом Своего учения и которая в конце концов распяла Его. Действительно, намного легче жить, когда есть четкое разграничение между священным и профанным, естественным и сверхъестественным, чистым и нечистым. Намного легче воспринимать религию, когда есть священные табу, предписания и обязанности согласно закону, обрядовая правильность и каноническая надежность. Значительно труднее понять, что такая религия не только не представляет никакой угрозы секуляризму, но, наоборот, парадоксальным образом является его союзником.

И тем не менее именно это произошло с нашим «литургическим благочестием». Не с богослужением как таковым — не с его формами и структурами, которые слишком традиционны, слишком стали частью церковной жизни, чтобы на них можно было как-то существенно повлиять, но с нашим восприятием этих форм, с тем, что мы ожидаем и, следовательно, получаем от богослужения. Если богослужение, определяемое литургической традицией, этим *lex orandi* Церкви, не изменилось, то его восприятие верующими стало все больше и больше определяться теми самыми категориями, которые православная литургическая традиция эксплицитно или имплицитно отвергает каждым словом, самым своим характером. И вся трагедия в том, что введение этих категорий сегодня принято до такой степени, что любая попытка оспорить их, показать их несовместимость с истинным духом и смыслом литургии вызывает обвинения в модернизме и других смертных грехах. И все же это не просто пустой спор, не одна из тех академических бурь, которые обычно обходят Церковь стороной. Это действительно вопрос жизни и смерти, потому что здесь и только здесь воинствующая ересь секуляризма может получить свой точный диагноз и быть побеждена.

Недостаток времени заставляет меня ограничиться одним примером, чтобы показать, что вышеупомянутые дихотомии, которые, безусловно, привели к глубоким изменениям в нашем литургическом благочестии, не только не связывают и не соотносят друг с другом Бога, человека и мир, объединяя их в одно целостное мировоззрение, но, наоборот, нарушают все

связи и соответствия между ними. Так, например, освящение воды, делающее ее «святой водой», может иметь два совершенно разных значения. Оно может, с одной стороны, означать преобразование чего-то профанного и потому, с точки зрения религии, лишенного силы или нейтрального во что-то священное, и в таком случае основной религиозный смысл «святой воды» в том и состоит, что это уже не «просто» вода и что она даже противоположна ей, как священное профанному. Здесь сам акт освящения не открывает ничего нового в воде, а значит — в веществе или мире, но, наоборот, делает их иррелевантными по отношению к новой функции воды. Священное расценивает профанное именно как профанное, то есть с точки зрения религии, бессмысленное. С другой стороны, тот же акт освящения может означать раскрытие истинной природы и назначения воды и, следовательно, мира — он может стать проявлением и исполнением их сакраментальности. Будучи возвращена через освящение к своему подлинному назначению, святая вода являет себя как истинная, полноценная, настоящая вода, и вещество опять становится средством причастия Богу и Его познания.

Сейчас каждый, кто знаком с содержанием и текстом молитвы великого освящения воды, совершаемого при крещении и в праздник Богоявления, конечно, знает, что они принадлежат ко второму из двух упомянутых выше значений, что их объектом является не дихотомия священного и профанного, но сакраментальные потенциальные возможности творения в целом, так же как и каждого из его элементов. В то же время каждому, кто знаком с нашим литургическим благочестием — в нашем случае с пониманием большинством верующих смысла святой воды, хорошо известно, что тут преобладает первое значение, целиком вытесняя второе. Такой же анализ можно было бы проделать, и результаты были бы те же, по отношению практически к каждому аспекту богослужения: к таинствам, литургии времени, эортологии (богословию праздников — *прим. пер.*) и т. д. Сакраментальность везде подменена сакральностью, а откровение (*epiphany*) — почти магическим вмешательством «сверхъестественного» во время и вещество («естественное»).

Особенно тревожно здесь то, что такое литургическое благочестие, такое понимание и практика богослужения, не только никак не служит вызовом секуляризму, но просто является одним из его непосредственных источников. Ибо оно считает мир профанным, то есть собственно секулярным в самом глубоком смысле этого слова — совершенно неспособным к какому бы то ни было подлинному общению с Создателем, к подлинному преобразованию и преображению. Ничего не открывая о мире и веществе, о времени и природе, эта идея и такая практика богослужения не затрагивают никаких основ, не служат вопросом, не ставят новых задач, и едва ли их вообще можно к чему-либо применить. Поэтому они спокойно могут сосуществовать с любой секулярной идеологией, с любой формой секуляризма. И практически нет никакой разницы между литургическими «ригористами», то есть теми, кто отстаивает долгие службы и соответствие правилам и Типикону, и литургическими «либералами», всегда заботящимися о том, чтобы сделать службу короче, проще и доступнее. Так как в обоих случаях отрицается, прежде всего, связь между религией и жизнью, само назначение богослужения как силы, способной преобразовывать, судить и менять. Парадоксально и трагично, но, еще раз повторю, такой подход к богослужению и этот вид литургического опыта являются прямыми источниками и поддержкой секуляризма.

8.

И это в то время, когда секуляризм начинает давать трещину изнутри! Если я правильно понимаю, в чем состоит основная сложность нашего времени, то это прежде всего глубокий кризис секуляризма. И, по-моему, просто нелепо, что так много христиан стараются приспособиться к секуляризму именно тогда, когда он начинает проявлять свою полную духовную несостоятельность. Все больше свидетельств в пользу очень важного факта —

знаменитый «современный человек» уже ищет путь в обход секуляризма, он снова жаждет и алчет «чего-то еще». И так часто этот голод удовлетворяется едой сомнительного качества или всевозможными искусственными заменителями. Сложность духовной ситуации достигла своей критической точки. Но не Церковь, не христиане ли тому виною, потому что они так легко предают тот уникальный дар, которым они — одни они! — могли бы поделиться с миром, алчущим духовной пищи? Не потому ли это происходит, что христиане больше, чем кто бы то ни был другой сегодня, защищают секуляризм и подстраивают под него свою веру? Не потому ли, что, имея доступ к истинной мистерии Христа, мы предпочитаем давать миру невнятные и несущественные социальные и политические советы? Мир отчаянно нуждается в Таинстве и Богоявлении, в то время как христиане занимаются пустыми и глупыми мировыми утопиями.

Мои выводы просты [6]. Мы не нуждаемся в каком-то новом богослужении, которое было бы как-либо приспособлено к нашему новому секулярному миру. Что нам нужно — так это открытие заново истинного смысла и силы богослужения, а значит — его космической, экклезиологической и эсхатологической сущности. Это, конечно, подразумевает большую работу, большую «чистку». Это подразумевает учение и труд. Это подразумевает избавление от мертвого груза, который мы несем с собой, слишком часто принимая его за саму суть наших «традиций» и «обычаев». Но когда мы откроем истинный закон молитвы, настоящее значение и силу нашей литургии, когда это снова станет источником всеохватывающего мировоззрения и силой жить согласно ему, тогда и только тогда единственное противодействие секуляризму будет найдено. И нет ничего важнее сегодня этого открытия заново и этого возвращения — не к прошлому, но к Свету и Жизни, к Истине и Благодати, которые всегда наполняют Церковь, когда та становится в своей литургии тем, что она есть.

Перевод с английского Елизаветы Гиппиус

[1] Доклад был прочитан на VIII Генеральной ассамблее СИНДЕСМОСа 20 июля 1971 г. в Греческом колледже в Бруклине, Массачусетс. Впервые опубликован в St. Vladimir's Theological Quarterly. Vol. 16, № 1, 1972. Включен в качестве приложения 1 в 4-е американское издание книги о. Александра Шмемана «За жизнь мира» (Crestwood, N.Y., 1988). — Прим. ред.

[2] Все иное. — Прим. пер.

[3] А оно нигде так наглядно не проявляется, как в классическом аргументе живущих по старому календарю: 25 декабря мы вполне можем отмечать секуляризованное западное Рождество — собираться за праздничным столом под елкой, дарить подарки, а 7 января у нас будет наше, настоящее, церковное Рождество. Приверженцы такого взгляда, конечно, не понимают, что если бы ранняя Церковь могла разделить такое понимание ее отношения к миру, она никогда не установила бы праздник Рождества, целью которого было заменить, преобразовать и христианизировать существующий языческий праздник.

[4] Более подробно об этом см. в приложении 2 к 4-му изданию книги о. Александра Шмемана «Таинство и символ». «За жизнь мира». — Прим. ред.

[5] См.: Протопресвитер А. Шмеман «Введение в литургическое богословие» (London, Faith Press, 1966).

[6] Далее перевод цитируется по докладу Павла Мейендорфа «Литургический путь Православной церкви в Америке в XX в.» (см. Журнал «Православная община», № 1, 1994, с. 115). — Прим. пер.

: Конференция «Приход в Православной церкви». Резолюция

Церковная жизнь

11-13 октября 1994 г. в Москве в здании Киноцентра проходила конференция «Приход в Православной церкви», организованная Московской высшей православно-христианской школой при участии Отдела по катехизации и религиозному образованию Московской Патриархии. Более 20 клириков и 150 мирян, представлявших 15 епархий Русской православной церкви и 8 стран ближнего и дальнего зарубежья, прослушали и обсудили 20 докладов и сообщений. Основная их часть — история православных приходов и современные приходские проблемы. Внимание участников конференции привлекли, в частности, документальные свидетельства о возрождении приходов накануне революции, о последовательных попытках не только воссоздать строй прихода допетровской Руси, но и ввести в него общинные и братские принципы. Значительное место в связи с этим заняло рассмотрение опыта миссионерско-общинного прихода храма Успения Богородицы в Печатниках в Москве.

Интересным было и обсуждение проблем, поставленных священниками из русской «глубинки», касающихся, в частности, особенностей катехизации и требоисполнения.

Важным вкладом в работу конференции стало описание деятельности православных приходов Франции и Финляндии, как сохраняющих церковнославянский язык и формы богослужения начала XX в., так и использующих современные языки и имеющих свои особенности во внутреннем убранстве храмов и т. п. Дополнением к этому были свидетельства о влиянии православного богословия на духовные поиски в современной Католической церкви. Обсуждался также вопрос богослужебного языка. При этом как противники, так и сторонники переводов и русификации богослужения сошлись в том, что проблема языка Церкви глубже филологических, исторических, национальных, культурных и тому подобных аргументов и связана со стремлением к полноте, действенности и целостности духовной жизни. Можно надеяться, что обсуждение внутрицерковных проблем по всем затронутым темам будет с пользой продолжено.

Общее мнение участников конференции высказал один из старейших и наиболее авторитетных богословов нашей Церкви профессор-протопресвитер Виталий Боровой. Он сказал: «Мы за возрождение Церкви, за ее обновление без обновленчества на основаниях каноничности и соборности».

Свидетельствуя о своем единодушии и взаимной любви даже в случаях разномыслия, устроители и участники конференции выразили сердечную благодарность Патриарху Алексию II, благословившему ее работу, Отделу по катехизации и религиозному образованию и всем, кто молитвой и трудом способствовал ее проведению.

Священник Георгий Кочетков: Вступительное слово

Церковная жизнь

Богословско-практическая конференция «Приход в Православной церкви» проходит здесь, в Москве, в эти дни по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Мы все прекрасно понимаем актуальность темы нашего собрания. Мы прекрасно понимаем также, что здесь возможны самые разные точки зрения. Каждый церковный человек более или менее ощущает множество проблем, связанных с жизнью прихода в нашей Церкви. Это и наследие старых времен, и наша леность и нерадивость в церковной жизни. Если мы спросим себя, как надо преодолевать это, нам будет, наверное, не очень просто сразу найти общие позиции. Но для того мы и собрались здесь, чтобы люди разных взглядов могли без крайностей, без какого бы то ни было экстремизма высказаться, могли не просто пожаловаться на трудности и недостатки, но найти общий язык, язык любви и мира в решении этих проблем. Конечно, мы не Архиерейский собор, не Синод, не церковное начальство. Мы никому не собираемся указывать путь в церкви. Но я думаю, что наша внутренняя потребность — говорить о том, что в церкви болит. Ведь согласно слову Божьему, если болит один член, болит и все тело.

Приходская жизнь оказалась, может быть, наиболее разрушенной в результате исторических перипетий нашего времени и прежних времен, истории православия, истории церкви. Поэтому говорить о ней мы будем с разных сторон. Будем говорить о вещах, которые появились сейчас, и о вещах, которые идут из глубокой древности. Повторяю, мы можем говорить, подходя с разных сторон к этой проблеме, используя разную терминологию, разные понятия, ассоциативные ряды и т. д. В надежде на помощь Божию будем искать этот общий язык, язык Церкви, который всегда прежде всего есть язык Любви.

Сегодня, открывая конференцию, я благодарю всех за найденную возможность собраться и говорить на эти темы. Думаю, что мы сможем выслушать всех желающих — как докладчиков, так и тех, кто будет непосредственно реагировать на доклады, и также желающих выступить отдельно, что также будет приветствоваться. Я вижу по собравшимся, что здесь все люди верующие, церковные. Это большая радость, когда собираются разные члены Церкви вместе для одного дела.

Александр Копировский: Приход в России в XII-XX вв. (по работам А. А. Папкова)

Церковная жизнь

В русском богословии исследований о приходе и приходской жизни сравнительно немного. Главная их часть принадлежит перу Алексея Александровича Папкова, издавшего в 1897-1918 гг. целый ряд книг и статей на эту тему. Своей основной задачей он считал представление интересующимся этой проблемой подробной истории прихода в России, чтобы на основании конкретных данных дать рекомендации для очищения и обновления приходской жизни. Основные работы Папкова: «Древнерусский приход. Краткий очерк церковно-приходской жизни в восточной России до XVIII в. и в западной России до XVII в.»; вторая работа — «Упадок православного прихода в XVIII-XIX вв.»; третья крупная работа — «Начало возрождения церковно-приходской жизни в России». Затем Папков издал книгу «О благоустройстве православного прихода» с приложением Приходского устава. И наконец — «Беседы о православном приходе», где он популяризировал свои научные разработки. Одна из последних работ Папкова о приходе вышла уже после революции. Папков известен также как автор большой монографии о братствах в западной Руси и о братствах вообще.

Под приходом Папков понимал не просто наличие храма, причта и прихожан в определенном месте — селе, городе или улице, но объединение всего этого в некоторой целостности, которая предполагает совместную и богослужебную, и небогослужебную духовную жизнь. Это его принципиальная позиция, на этом он стоял и поэтому связывал начало церковно-приходской жизни на Руси с появлением «братчин» (братств).

Первое упоминание о братчинах в летописях относится к 1159 г. (город Полоцк). Братчина — это было общество людей, которые обязывались поддерживать храм материально. Они собирались при храме после богослужения на братские пиры, на них обсуждали свои дела. В частности, на них могло обсуждаться поведение членов братства, даже с вынесением наказания в случае вины кого-либо из них.

Я попытаюсь тезисно, с комментариями, сказать об основных положениях, которые Папков выдвигает в своих работах. Первое — это основные черты древнерусского прихода (т. е. относящегося ко времени до XVII в. включительно), прихода, в котором есть живая, неформальная, не только богослужебная, но и внебогослужебная общая жизнь всех его членов. Прежде всего отмечается активная роль в нем прихожан, их полная ответственность за содержание храма (нужно заметить, что в основном храмы строились на средства прихожан) и содержание причта. Папков отмечает, что в причт, кроме священника, дьякона, просфорни, сторожа и старосты, входил иногда еще учитель детей, которого содержал приход. Приход содержал также библиотеки, в XVII в. их было довольно много. Приход строил собственными силами богадельни, больницы, странноприимные дома. Когда мы находим в старых текстах упоминание о «сельских монастырьках», то имеются в виду именно странноприимные дома, а не монастыри. Папков писал: «Практически сколько приходов на Руси, столько богаделен, странноприимных домов» и т. д. Устраивались и «убогие дома», т. е. кладбища для бедных, и приюты для подкинутых детей. Все это тоже на средства прихода.

Говоря об общении членов прихода друг с другом, Папков упоминает прежде всего «складчинные пиры», когда все прихожане сообща устраивали трапезы на Рождество, на Пасху и в храмовый день (т. е. в память того святого или праздника, которому посвящен храм). На этих «складчинных пирах», помимо празднования, решались общие дела прихода и шел разбор жалоб. Каждый прихожанин мог придти и рассказать об обидах и чинимых ему притеснениях. Это происходило не только в дни больших праздников, а практически каждое воскресенье. Для этого при храмах строились специальные избы — «трапезные». Особенно это было характерно для Новгородской губернии.

Каковы же были права древнерусского прихода? Прежде всего (Папков это подчеркивает) — самостоятельное владение храмом, его имуществом и церковными землями независимо от церковного начальства, даже от архиерея, естественно, с употреблением всего по прямому назначению. Чрезвычайно важная особенность древнерусского прихода — выборность всех членов причта, начиная со священника. При этом избранный кандидат представлялся архиерею с письменным поручительством от прихода. Если кандидат при проверке оказывался негодным, поручители платили штраф. С причтом заключался письменный договор, который подписывали не только главные лица прихода, но и свидетели из народа, так называемые «послухи», — это уже в XVI в. Права выборности духовенства приходом подтвердил Стоглавый собор.

Когда Папков говорит о разрушении прихода, он называет две основные причины этого. Первая — меры государственной власти по утверждению крепостного права, вследствие чего дворянство получило практически бесконтрольную власть над крестьянами. Это означало потерю приходом многих своих прав. Вторая — поверхностные формы борьбы со старообрядческим расколом, когда «превентивные» меры принудительного характера были

распространены на все существовавшие приходы, чтобы пресечь их возможное уклонение в раскол. Это, естественно, привело к омертвлению и засыханию многих живых элементов приходской деятельности.

В XVIII в. знаменитый «Духовный регламент» Петра I подтвердил права выборности духовенства. Вообще в первой половине XVIII в. почти не принимается сугубо административных мер по отношению к приходам. Однако на священника тем же «Регламентом» были возложены фактически сыскные и полицейские обязанности, не говоря уже о том, что предписывалось нарушать тайну исповеди в случае сообщения исповедующимся о совершенном им государственном преступлении. Священники были обязаны вразумлять народ о почитании государственной власти. Можно представить, насколько топорно все это делалось и как отвращало от священства и вообще от церкви простой народ. С другой стороны, обязанность наблюдать за тишиной в храме была возложена на... полицию. Духовенство в личном плане было совершенно бесправным. Клирикам предписывалось в общем порядке ходить, например, на караулы «с рогатками», им запрещалось иметь недвижимость, духовенство не освобождалось от телесных наказаний вплоть до 1801 г. При этом приходы были обязаны выплачивать архиерею подобие дани, и достаточно крупной. Это было более чем ощутимо для них, потому что в XVIII в. начинается обнищание приходов. Их в административном порядке укрупняли, а количество причта, наоборот, уменьшали.

Членам прихода государство (!) предъявляло требование регулярной исповеди и причащения. Эта регулярность выливалась в причастие и исповедь раз в год. В 1765 г. была установлена единая такса за требы. К счастью, туда не были включены исповедь и причастие, но крещение и все прочее имело единую расценку по всей стране. Одновременно были установлены государственные оклады духовенству, и у церквей, т. е. у приходов, было отобрано право распределять собственный свечной сбор. Он был передан в казну. В казну же было приказано передавать все свободные церковные средства. Таким образом, приходы лишились какой бы то ни было самостоятельности.

При этом произошла удивительная вещь: инославные приходы в России — протестантские и католические — приобрели в XVIII-XIX вв. все права древнерусских приходов, т. е. полную самостоятельность, возможность распространения своего учения через школы и т. д., свободное пользование своими доходами, что, конечно, не могло не вызвать негативной реакции. Православными же приходами было полностью утрачено самоуправление, возникли большие трудности в приобретении недвижимости и, наконец, в 1837 г. был издан наказ полиции о запрещении всех тайных обществ, в том числе (в одном ряду!) масонских лож и братств. Деятельность братств, братчин, сердцевин церковного прихода, фактически была низведена до общебратских обедов и стояния членов братства во время службы с собственными братскими свечами. К управлению приходом с XVIII в. братства уже не имели никакого отношения.

Так продолжалось примерно до середины XIX в., когда начинается возрождение церковно-приходской жизни. Папков прямо связывает его с падением крепостного права, а также с тем, что приходы получили права территориальной единицы. Это была самая мелкая территориальная единица в стране, она называлась «волость». Приход тогда включал в себя от 300 до 2000 мужчин. При меньшем количестве людей приходы объединялись, но уже не дробились.

Во второй половине XIX в. были созданы приходские советы с целью материальной поддержки храма и причта и распространения грамотности и религиозного образования среди прихожан. На приход было возложено призрение бедных, погребение неимущих, примирение тех, кто обратился к суду приходского совета, распределение доходов и расходов. В состав совета

включался прежде всего священник, затем, если это городской приход, представители всех сословий и званий по одному человеку, церковный староста и церковный попечитель (соврем. «спонсор»). На селе в состав совета включался местный начальник и представители каждого окрестного селения.

То, что было перечислено выше, осталось в определенном смысле теорией, так как широко это распространено не было. Но эти положения обсуждались на очень высоком уровне. Существует пространный, на нескольких страницах, отзыв главного управляющего II-го отделения Его Императорского Величества Канцелярии, которая заведовала в том числе и церковными приходами. Его выводы не могут не удивить. Он считает, что все предложенные меры непоследовательны, неполны, и буквально требует восстановления права выборности священства приходом. Он говорит, что в приходские советы нужно отдать решение спорных вопросов между духовенством и приходом, и что вводить эти приходские советы нужно не на 3 года, как предполагал первоначальный проект, экспериментально, а сразу и постоянно и все решения приходских советов утверждать сразу.

По мнению митрополита Киевского Арсения (1863 г.), создание церковных советов, приходских советов было не очень последовательным. Лучше сразу создавать церковные братства, которые берут на себя полную ответственность за приход, как было в древности.

В 1864 г. был подписан указ императора о возрождении церковных братств. Но никаких прав управления приходом они не получили. Не были восстановлены и церковные советы, братства оказались своего рода благотворительными организациями при храме, не более.

Папков на основании приведенных фактов дает две группы предложений по восстановлению церковно-приходской жизни. Очень интересно проследить их эволюцию. В Предсоборном присутствии (по подготовке Поместного собора) дебатировался вопрос о предоставлении приходу права юридического лица. Собственно, вопрос был только в том, кому предоставлять это право. Профессор Бердников предложил сделать юридическим лицом храм и причт. Папков резко выступил против него. Вот один из его тезисов: «Чуждые и незнакомые друг другу прихожане одного храма — самая прискорбная аномалия нашей теперешней церковной общественной жизни». Поэтому он, естественно, предлагал дать право юридического лица общине. Как же преодолеть отчуждение? Прежде всего совместным чтением вслух священником Священного писания в церкви, пусть даже без комментария. Заботиться он считал нужным не только о храме, о причте, но и о церковной библиотеке, где обязательно должна быть читальня, а также о просвещении, и благотворительности. Он считал необходимым организовать во всех приходах не только воскресные школы для детей, но и катехизические школы для взрослых — и это в 1906 г.! Папков полагал, что в приходском совете должно быть неограниченное число членов (указ Синода 1905 г. предписывал 12 человек). Он акцентировал внимание на том, что собственником церковного имущества должна быть не иерархия, а вся церковь в лице конкретной церковной общины, и требовал отменить обязательную открытость протоколов приходских собраний перед благочинным, а также все виды приходских регистрационных книг, крестильных, венчальных, исповедных ведомостей, заменив их одной книгой — главной, со списком прихожан, с кратким жизнеописанием каждого и указанием, какие пожертвования он хочет вносить на храм. Прихожанами же он считал тех, кто проявляет свои права и обязанности реально, а не тех, кто просто участвует в богослужении и требоисполнении.

При назначении причта епископ, по мнению Папкова, должен принимать во внимание желание прихожан, а в случае отказа давать ответ с объяснением причины и, естественно, не перемещать священника без его желания, кроме как по особо уважительным причинам. Он завершал эту группу предложений отнюдь не оптимистической фразой: «Несмотря на почти

тысячелетнее существование православия в России, мы все еще стоим пред разрешением величайшей задачи, касающейся широкого и прочного внедрения христианских начал в церковно-общественной жизни. У нас нет прихода как школы нравственности».

В 1912 г. следует вторая группа предложений Папкова. Надо «начинать с постоянного общения между мирянами и пастырями». Он говорит, что прежде всего нужно создать небольшой кружок при приходе, который любыми средствами связывается со священником, требуя совместной с ним деятельности, или же инициатива по организации ядра прихода должна исходить от пастыря. Заботу о благолепии храма, чтении, пении должен полностью на себя принять этот, уже неформальный, кружок. Кроме того, нужно постоянное дежурство в храме, чтобы он не закрывался после службы, в том числе предполагается и дежурство по ночам.

В области чисто духовной Папков предлагает создать содружество еженедельных причастников, но чтобы они не просто поддерживали друг друга частым совместным причастием, а выражали это, например, в содействии передаче больным через дьякона Святых Тайн на дом. Причащение предполагалось каждое воскресенье. Предлагалось и регулярное совместное чтение Священного писания и святых отцов по воскресеньям, но уже с совместной трапезой. Причем Папков пишет о необходимости «воскрешения древней трапезы любви — агапы, каковая в первую эпоху христианства служила таким могущественным звеном, поддерживавшим братские и дружеские связи между христианами одной и той же общины». Папков напоминает также о женщинах-благотворительницах, которые могут быть посвящены в звание дьяконисс по чину древней церкви, т. е. через рукоположение. В его книге говорится и о том, что в храме должен быть амбулаторный пункт, устроенный силами врачей-членов прихода, нужны и приходские кредитные товарищества и потребительское общество (напомню, что в древнем русском приходе каждый его член мог получить беспроцентную ссуду — деньгами, семенами, сельскохозяйственным инвентарем и т. д.).

Папков говорит и о семье. Семья должна стать в прямом смысле домашней церковью, т. е. иметь домашнюю моленную, а в ней — совместное утреннее и вечернее молитвенное правило. Предполагаются также семейные посты, общее чтение Писания, взаимные нравственные обязательства членов семьи (например, о воздержании от курения) и т. п. В заключение цитируется отрывок из императорского Манифеста: «Оживление церковно-приходской жизни — залог преуспевания всего русского государства».

Подводя итог, можно сказать о стремлении А.А. Папкова в результате его исследований возродить не столько древнерусский приход, сколько раннехристианскую общину, которая не строится по ущербному административно-территориальному принципу. В этом аспекте стоит рассматривать и решения Поместного собора нашей церкви 1917–1918 гг. (последнего в вопросах организации приходской жизни дальше Папкова), реализуемые в полноте лишь при наличии общины.

О. Георгий. Спасибо большое. Есть ли вопросы к Александру Михайловичу?

Вопрос. Упоминались ли работы Папкова на Соборе?

А. Копировский. Нет, Собор не ссылался на Папкова. Но приходской устав, принятый Собором, во многом продолжает его разработки. Он напечатан в первом выпуске возрожденного «Богословского вестника».

Вопрос. Был ли действительно у Папкова термин «воскресные школы», и что под этим конкретно понималось?

А. К. Такой термин есть. Воскресные школы — для детей, в отличие от катехизических школ для взрослых. Воскресные школы в его время были довольно распространенным явлением. Не церковно-приходские, а именно воскресные школы для детей.

Вопрос. В чем ущербность территориального принципа?

А. К. В том, что люди попадают в него случайно, исходя из единого места жительства. Вы знаете, что самые живые современные приходы в городах построены по обратному принципу. Там абсолютное меньшинство местных жителей, а большинство как раз из самых разных мест.

Вопрос. Как происходило возрождение агап в вашем братстве?

А. К. Во-первых, мы возрождали агапы до чтения книг Папкова, даже до чтения книги Соколова «Агапы или вечери любви в древнехристианском мире», хотя она была нам известна. Все родилось естественно, — из желания не расходиться после совместного причастия. Мы просто вставали вместе в притворе храма или сзади в самом храме (чаще это был Богоявленский патриарший собор) и какое-то время просто благоговейно «созерцали». Тут же вошло в обычай делиться просфорами, которые мы здесь же, в соборе, покупали. Потом оказалось, что это совпадает с традицией древней церкви. Дальше было развитие этого исходного живого факта. Мы собирались в храме во многом потому, что не имели возможности собраться в домах. В семьях почти у каждого из нас были проблемы, те самые евангельские «разделения». И когда они были преодолены, в 1975 г. агапы перешли в дома и стали более продолжительными, занимали уже не один час и происходили в общем-то регулярно (приблизительно раз в два месяца). Мы советовались со священством и имели на это благословение с того же 1975 г.

Вопрос. На какие материалы опирается реконструкция Папковым прихода?

А. К. Он историк, а не богослов, поэтому основной материал — сухие исторические и статистические исследования. Какие-то эмоции у него проявляются лишь начиная с 1907–1912 гг. До этого он очень сухо перечисляет, что было, ссылаясь на конкретные источники.

Вопрос (продолжение). Мой вопрос связан с тем, что, видимо, такое устройство церкви воспринималось настолько естественно, что никому в голову не приходило специально это фиксировать.

А. К. Разумеется. Папков, в частности, говорит, что в середине XIX в. приходские советы возрождались практически самостийно, без всякого совета с епархиальной властью. Но Синод, узнав об этом, их не отверг, а наоборот, — утвердил. Их жизненность и действенность подтвердил и святитель Филарет Московский. Но, как я уже говорил, они не получили распространения, поскольку приходские братства были лишены государством права непосредственного управления приходом.

Борис Чичибабин: Стихи

Поэзия

15 ДЕКАБРЯ 1994 года умер русский поэт Борис Чичибабин. Для каждого, читавшего и любившего его стихи, это горькая весть. Но смерть — это и последняя строка творчества, дающая ему окончательный чекан, та траурная форма, в которой отныне стихи его будут жить с нами, оставшимися.

Поэтическая судьба Бориса Чичибабина трагична. Источником его творчества стало глубокое и непреодолимое противоречие, которое он сам отчетливо осознавал в себе и четко сформулировал: «Я не могу любить людей, распявших Бога». И это личная, почти отчаянная любовь к Нему оказывается неприятием заповеди «Возлюби ближнего твоего, как самого себя» и отрицанием Его правоты. Невозможность рассудочного решения не обязательно приводит к бездействию, а безнадежность и обреченность могут стать «энергией заблуждения» и дать силы для поиска новых неверных ответов. С Борисом Чичибабиным так и произошло. Его поэзия стала выражением этого поиска. Онтологическое противоречие, пережитое поэтом как личная трагедия, в конце концов есть недо-верие, порыв в пустоте, без обретения твердой опоры в конкретности мистического опыта. Когда это противоречие остается непреодоленным, в стихах Чичибабина звучит жалобная нота как сентиментальный диссонанс. Но прежде чем строго судить поэта, нужно признаться самим себе, что мы чаще всего уходим от самых трудных, болезненных вопросов, делая вид, что к нам они не относятся. И это те вопросы, ответ на которые ищет и не находит Чичибабин. Поэзия Бориса Чичибабина трогательна. Он не изрекает последние истины, а говорит о мучительном сомнении, с которым неизбежно сопряжен их поиск. Он не требует следовать затверженному канону, а просит не закрывать глаз и не отворачиваться от мира. Когда в недавнем прошлом поэт говорил: «Давайте что-то делать», он обращался к той публике, которая выбрала как жизненный принцип сопротивление злу бездействием и полагала, что так удастся уберечься от нечистоты действительности. Его позиция была трудно защитима. Но он шел на риск и просил не опускать рук, искать приложение своим силам сейчас и здесь. Стихи Чичибабина — живое движение с его неизбежной неустойчивостью и ошибками, но и с действительным теплом и светом. Это та искра истины, которая осталась нам после его ухода. Будем благодарны поэту.

Владимир Губайловский

Борис Алексеевич Чичибабин (Полушин) родился 9 января <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1923 г">1923 г</st1:metricconverter> в Кременчуге, на Украине. В <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1942 г">1942 г</st1:metricconverter>. был призван в армию. В окопах не сидел, не стрелял, поэтому участником войны не считался. После демобилизации в июне <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1945 г">1945 г</st1:metricconverter>. поступил на филологический факультет в Харьковского университета, а через год был арестован НКВД, получил 5 лет, все полностью отсидел в Вятлаге. В <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1963 г">1963 г</st1:metricconverter>. в Москве выходит его первая книга стихов, за ней еще три в Харькове. Они вышли на спаде «оттепели», когда уже не было возможности включить в них лучшие стихотворения. Еще один сборник стихов вышел в <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1968 г">1968 г</st1:metricconverter>. В <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1973 г">1973 г</st1:metricconverter>. был исключен из Союза писателей. В период перестройки, в <st1:metricconverter w:st="on" ProductID="1991 г">1991 г</st1:metricconverter>. издана книжка стихов «Колокол». (Прим. ред.)<o:p></o:p>

* * *<o:p></o:p>

«Куда мы? Кем ведомы? И в хартиях — труха.<o:p></o:p>

Сплошные, брат, Содомы с Адамова греха.<o:p></o:p>

Повырублен, повыжжен и, лучшего не ждя,
мир плосок и недвижим, как замыслы вождя.

Он занят делом, делом, а ты, едрена вошь,
один на свете белом безделицей живешь,
а ты под ветхой кожей один противу всех.
А может, он-то — Божий, а не Адамов грех?...»
Я — слышу и не слышу. Я дланями плещу —
а все ж к себе под крышу той дряни не тащу.
Истошными ночами прозрений и разлук
безбожными речами не омрачаю слух.

Вам блазница — сквозь нехоть в зажмуренной горсти —
куда-нибудь уехать, чтоб что-нибудь спасти.
Но Англия, Москва ли — не все ли вам равно?
Смотрите: все в развале — и все озарено.

Безумные искусства сексэнтээрных лет
щекочут ваши чувства, а мне в них проку нет.
Я ближним посторонний, от дальнего сокрыт,
и мир потусторонний со мною говорит.

Хоть Бог и всемогущий, беспомощен мой Бог.
Я самый неимущий и телом изнемог,
и досыта мне горя досталось на веку,
но, с Господом не споря, полвека повлеку.

Под хаханьки и тосты, под жалобы и чад

мне в душу светят звезды и тополи молчат.<0:p></0:p>

Я самый иудейский меж вами иудей,<0:p></0:p>

мне только бы по-детски молиться за людей.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Один меж погребенных с фонариком Басе,<0:p></0:p>

я плачу, как ребенок, но знающий про все,<0:p></0:p>

клейменный вашим пеклом и душу вам даря.<0:p></0:p>

А глупость верит беглым листам календаря.<0:p></0:p>

Вы скажете: «О Боже, да он — без головы?...»А я люблю вас больше, чем думаете вы.<0:p></0:p>

Пока с земли не съеду в отдохновенном сне,<0:p></0:p>

я верю только свету и горней тишине.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Да прелесть их струится из Вечности самой<0:p></0:p>

на терпкие страницы, возлюбленные мной.<0:p></0:p>

И я скорблю и горблюсь, и в думах длится ночь.<0:p></0:p>

А глупость верит в глобус. И ей нельзя помочь.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Между печалью и ничем мы выбрали печаль.<0:p></0:p>

И спросит кто-нибудь «зачем?»,<0:p></0:p>

а кто-то скажет «жаль».<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

И то ли чернь, а то ли знать,<0:p></0:p>

смеясь, махнет рукой.<0:p></0:p>

А нам не время объяснять<0:p></0:p>

и думать про покой.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

Нас в мире горсть на сотни лет,<o:p></o:p>

на тысячу земель,<o:p></o:p>

и в нас не меркнет горний свет,<o:p></o:p>

не сякнет божий хмель.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

Нам — как дышать — приняв печаль<o:p></o:p>

гонений и разлук, —<o:p></o:p>

огнем на искру отвечать<o:p></o:p>

и музыкой — на звук.<o:p></o:p>

И обреченностью кресту,<o:p></o:p>

и горечью питья<o:p></o:p>

мы искупаем суету<o:p></o:p>

и грубость бытия.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

Мы оставляем души здесь,<o:p></o:p>

чтоб некогда Господь<o:p></o:p>

простил нам творческую спесь<o:p></o:p>

и ропщущую плоть.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

И нам идти, идти, идти,<o:p></o:p>

пока стучат сердца,<o:p></o:p>

и знать, что нету у пути<o:p></o:p>

ни меры, ни конца.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

Когда к нам ангелы прильнут,<o:p></o:p>

лаская тишиной,<o:p></o:p>

мы лишь на несколько минут<0:p></0:p>

забудемся душой.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

И снова — за листы поэм,<0:p></0:p>

за кисти, за рояль, —<0:p></0:p>

между печалью и ничем<0:p></0:p>

избравшие печаль.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

* * *<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Ежевечерне я в своей молитве<0:p></0:p>

вверяю Богу душу и не знаю,<0:p></0:p>

проснусь с утра или ее на лифте<0:p></0:p>

опустят в ад или поднимут к раю.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Последнее совсем невероятно:<0:p></0:p>

я весь из фраз и верю больше фразам,<0:p></0:p>

чем бытию, мои грехи и пятна<0:p></0:p>

видны и невооруженным глазом.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Я все приму, на солнышке оттаяв,<0:p></0:p>

нет ни одной обиды незабытой, —<0:p></0:p>

но судный час, о чем смолчал Бердяев,<0:p></0:p>

встречать с виной страшнее, чем с обидой.<0:p></0:p>

<0:p> </0:p>

Как больно стать навеки виноватым,<0:p></0:p>

неискупимо и невозмещенно,<0:p></0:p>

перед сестрою или перед братом, —<0:p></0:p>

к ним не дойдет и стон из бездны черной.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

И все ж клянусь, что вся отвага Данта<o:p></o:p>

в часы тоски, прильнувшей к изголовью,<o:p></o:p>

не так надежна и не благодатна,<o:p></o:p>

как свет вины, усиленный любовью.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

Все вглубь и ввысь! А не дойду до цели —<o:p></o:p>

на то и жизнь, на то и воля Божья.<o:p></o:p>

Мне это все открылось в Коктебеле<o:p></o:p>

под шорох волн у черного подножья.<o:p></o:p>

<o:p> </o:p>

<o:p> </o:p>

: Новые книги и публикации

Информация

Библеистика, богословие

1. Антоний (Храповицкий), митр. Пастырское богословие. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 325 с.<o:p></o:p>
2. Булгаков С., прот. О чудесах Евангельских. М.: Русский путь, 1994. 118 с.<o:p></o:p>
3. Бьянки Э. Молитвенное чтение Священного Писания. Молитва Слову. М.: Путь, 1994. 95 с.<o:p></o:p>
4. Кочетков Г., свящ. Возможная система оглашения в Русской Православной Церкви в современных условиях. М.: Московская высшая православно-христианская школа, 1994. 31 с.<o:p></o:p>
5. Мень А., прот. Домашние беседы о Христе и Церкви. М.: Яхтсмен, 1994. 95 с.<o:p></o:p>
6. Мень А., прот. История религии. М.: МИРОС, 1994. 183 с.<o:p></o:p>
7. Новоселов М.А. Письма к друзьям. М.: Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. 354 с.<o:p></o:p>

8. Православный календарь для семейного чтения/Отв. ред.-сост. Н.Н. Шумских. СПб.: Титул, 1994. 735 с.<o:p></o:p>

9. Православный обряд погребения. М.: Свято-Данилов мужской монастырь, Даниловский благовестник, 1994. 67 с.<o:p></o:p>

10. Рубан Ю. Сретение Господне. СПб.: Ноах, 1994. 223 с. [Историко-богословское исследование.]<o:p></o:p>

11. Софроний (Сахаров), архим. О молитве. СПб.: Сатис, 1994. 186 с.<o:p></o:p>

СВЯТЫЕ ОТЦЫ

12.Афонский патерик. М.: Афонское подворье Свято-Пантелеймоновского монастыря, 1994. 500 с.<o:p></o:p>

13.Григорий Богослов, свт. Собрание творений. Т. 1. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 680 с.<o:p></o:p>

14.Иоанн Златоуст, св. Полное собрание творений. В 12 т. Т. 4. Кн. 1. Репринт. М.: Златоуст, 1994. 922 с.<o:p></o:p>

15.Старец Зосима Верховский. Житие и подвиги. Извлечения из сочинений. М.: Паломник, 1994. 220 с.<o:p></o:p>

16.Максим Египетский, прп. Духовные беседы. М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1994. 500 с.<o:p></o:p>

17.Миллер Л. Святая мученица Елизавета Федоровна. М.: Столица, 1994. 240 с.<o:p></o:p>

18.Патриарх Тихон и история русской церковной смуты. Кн. 1. СПб.: Сатис, 1994. 450 с.<o:p></o:p>

19.Правила Православной Церкви (с толкованием архиепископа Никодима). В 2-х т. М.: Международный издательский центр православной литературы, 1994. Т. 1. 630 с.; Т. 2. 640 с.<o:p></o:p>

20.Рассказы о святых/Сост. Куломзина С.С. М.: Паломник, 1994. 174 с.<o:p></o:p>

21.Свенцицкий В. Граждане неба: Путешествие к пустынноикам Кавказских гор. СПб.: Сатис, 1994. 179 с.<o:p></o:p>

22.Сергиев И.И. (св. Иоанн Кронштадтский). Полное собрание сочинений. В 6-ти томах. СПб.: Издательство Л.С. Яковлевой, 1993-1994. 300-400 с.<o:p></o:p>

23.Симеон (блаженный), архиепископ Фессалоникийский. Сочинения. М.: Галактика, 1994. 600 с.<o:p></o:p>

<o:p></o:p>

24.Старческие советы некоторых отечественных подвижников благочестия. XVIII-XIX вв. В 2-х ч. Репринт. Ч. 1. 324 с.; Ч. 2. 624 с. М.: Издательский отдел Московской Патриархии, 1994.<o:p></o:p>

25.Тихон Задонский, св. Творения. В 2-х кн. Кн. 1 (т. 1-3); Кн. 2 (т. 4-5). Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994.

26.Феофан Затворник. Творения. Собрание писем. Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь, 1994. 250 с.

27.Филарет (Гумилевский), преосв. Жития святых подвижниц Восточной Церкви. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 260 с.

Русская философия

28.Розанов В.В. В темных религиозных лучах. М.: Республика, 1994. 476 с.

29.Трубецкой Е.Н. Смысл жизни. М.: Республика, 1994. 432 с.

30.Трубецкой С.Н. Сочинения. М.: Наука, 1994. 816 с.

31.Федотов Г.П. О святости, интеллигенции и большевизме. Избр. ст./Сост. Замалеев А.Ф. СПб.: Издательство СПбГУ, 1994. 152 с.

История и актуальные проблемы православия

32.Акты Патриарха Тихона. М.: Свято-Тихоновский богословский институт, 1994. 1100 с.

33.Амвросий (Погодин), архим. Св. Марк Эфесский и Флорентийская Уния. Репринт. М.: Сирин, 1994. 434 с.

34.Архиерейский Собор Русской Православной Церкви. Документы. 23 ноября — 2 декабря 1994. М.: Московская Патриархия, Хроника, 1994. 40 с.

35.Вениамин (Федченков), митр. На рубеже двух эпох. М.: Отчий дом, 1994. 448 с. [Воспоминания.]

36.Определения Поместного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918. Репринт. М.: Новоспасский монастырь, 1994. 186 с.

37.Деяния Поместного Собора Православной Российской Церкви. 1917-1918. В 10-ти томах. Репринт. М.: Новоспасский монастырь, 1994. Т. 1 336 с.; Т. 2 453 с.

38.Древние иноческие уставы. Репринт. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 656 с.

39.Евлогий (Георгиевский), митр. Путь моей жизни. М.: Московский рабочий, 1994. 620 с.

40.«Иерусалимский батюшка» — иеросхимонах Феодосий. М.: Международный издательский

центр православной литературы, 1994. 168 с.</p></div>

41.Лебедев А.П. Эпоха гонений на христиан. М.: Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1994. 500 с.</p></div>

42.Лебедев Л., прот. Москва Патриаршая. М.: Столица; Вече, 1994. 384 с.</p></div>

43.Марцинковский В. Записки верующего. Новосибирск: Посох; М.: Благовестник, 1994. 272 с.</p></div>

44.Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. В 2-х т. Т. 1. М.: Русские огни, 1994. 336 с.</p></div>

45.Смирнов Петр, прот. История христианской Православной Церкви. М.: Православная беседа, 1994. 200 с.</p></div>

</p></div>

Художественная литература, искусство

</p></div>

46.Восточно-европейский храм. Литургия и искусство/Центр восточно-христианской культуры. Ред.-сост. Лидов А.М. СПб.: Дмитрий Буланин, 1994. 328 с.</p></div>

47.Лукашин А. Псалтирь в поэзии. М.: Гиперокс, 1994. 160 с.</p></div>

48.Мария (Скобцова), монахиня. Стихи. М.: Петрополис, 1994. 101 с.</p></div>

Христианские конфессии

49.Амвросий (Погодин), архим. Св. Марк Эфесский и Флорентийская Уния. Репринт. М.: Сирин, 1994. 434 с.</p></div>

50.Антонини Б., свящ. Введение в Библию. М.: Колледж св. Фомы, 1995. 157 с.</p></div>

51.Антонини Б., свящ. Экзегезис книг Ветхого Завета. М.: Колледж св. Фомы, 1995. 325 с.</p></div>

52.Бикман Д., Келлоу Д. Не искажая слова Божия. Принципы перевода и семантического анализа Библии. СПб.: Ноах, 1994. 449 с.</p></div>

53.Грачев Ю. В иродовой бездне. [Воспоминания баптиста.]В 4-х т. М.: Благовестник, 1994.</p></div>

54.Ли Г.Ч. История инквизиции. Репринт. В 3-х т. М.: Ладомир, 1994.</p></div>

55.Православная Церковь, католицизм, протестантизм, современные ереси и секты в России/Под ред. митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна. СПб.: Издательство СПб. митрополии, 1994.248 с.</p></div>

56.Социально-политическое измерение христианства. Избранные тексты XX в. М.: Наука, 1994. 405 с.</p></div>

57. Шульц С. Храмы Санкт-Петербурга. СПб., 1994. 500 с.

Мировые религии, философия, психология

58. Буддизм в нашей жизни. Три проповеди Великого наставника Сиюня. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 78 с.

59. Буддийский взгляд на мир. СПб.: Андреев и сыновья, 1994. 462 с.

60. Гаспринский И. Россия и Восток. Русское мусульманство. Казань: Фонд Жиен, 1993. 132 с.

61. Мировоззрение талмудистов в выдержках из главнейших книг. Репринт. М.: Ладомир, 1994. 603 с.

62. Юнг К.Г. Психология бессознательного. М.: Канон, 1994. 320 с.

Новые религиозные движения

63. Безант А. Теософия и загадки жизни. СПб.: Облик, 1994. 76 с.

64. Переселение душ. М.: Золотой век, 1994. 426 с.

Политика

65. Тишайшие переговоры: 1-3 октября 1993 г. Запись фонограммы переговоров в Свято-Даниловом монастыре. М.: Магистерium, 1994. 383 с